

предание.ru
литературный портал

Я вижу, что вовек не
утолен Наш разум,
если Правдой
непреложной, Вне коей
правды нет, не озарен.
В ней он покоится, как
зверь берложный,
Едва дойдя; и он
всегда дойдет, —
Иначе все стремления
ничтожны.

 Данте.

Божественная
Комедия

[Читать](#) →

[вернуться к началу](#)[Перейти на страницу автора](#)

Симеон Метафраст (Логофет), преподобный - Симеон Метафраст. Творения

Преп. Симеонъ Метафрастъ (память котораго совершается 9 ноября) жилъ во второй половине IX века. Онъ былъ обильный церковный писатель, но труды его скорее представляют переложения другихъ церковныхъ писаний, что и запечатлелось въ самомъ его наименованіи «Метафраста» — «Переизлагателя». Въ нашемъ богослуженіи сохранились несколько его молитвъ передъ Причащеніемъ и после Причащенія и Канонъ на плачь Пресвятыя Богородицы въ Великую Пятницу. Главный трудъ преп. Симеона Метафраста заключается въ изложеніи житій святыхъ по месяцамъ, которыя послужили главнымъ источникомъ при составленіи «Житій Святыхъ» свят. Димитріемъ Ростовскимъ. И хотя целый рядъ другихъ церковныхъ писателей оставили намъ единичныя житія святыхъ, и хотя во многомъ историческая точность у Метафраста не сохранена, трудъ его все-таки весьма цененъ.

Содержание

- [Слово на Плачь Пресвятыя Богородицы, когда Она объяла, принявъ со креста, Честное Тело Господа нашего Иисуса Христа.](#)
- [Житие Святого Григория Великого](#)
- [Житие и деяния Илариона Грузина](#)
- [Слово на преставление святого Иоанна Богослова](#)
- [Жизнь и деяния святого отца нашего Николая](#)

Слово на Плачь Пресвятыя Богородицы, когда Она объяла, принявъ со креста, Честное Тело Господа нашего Иисуса Христа.

Это — то, сладчайшій Иисусе, что образно представили тогда волхвы, пришедшіе изъ Персіи въ Вифлеемъ, принесли свои дары: не только золото, какъ Царю, и ливанъ — какъ Богу, но и смирну — какъ смертному, родившемуся тогда Тебе (Матф. 2, 11) [1]. Это — то оружіе, которое имело пронзить Мое сердце, какъ предсказаль Симеонъ (Лук. 2, 35). Это — тотъ огонь, который Ты пришелъ низвести на землю, какъ это Ты Самъ предсказаль (Лук. 12, 49). Потому что более жгуче, чемъ огонь, для любящаго сердца Матери смерть едиnorodнаго Сына Ея. Въ маломъ, чтобы не оказаться противоположными, даже Мне представляются слова Благовещенія Гавріила (Лук. 1, 28–55). Потому что не только сейчасъ Господа нетъ со Мною, какъ Онъ Мне возвестилъ (Лук. 1, 28), но Ты, будучи бездыханнымъ и среди мертвыхъ, озаряеши внутреннія сокровищницы ада, а Я, между темъ, вдыхаю воздухъ и пребываю среди живущихъ. И, однако, Я не понимаю: за какую вину Ты былъ убіенъ? Потому что добродетель Твоя, какъ говоритъ Аввакумъ, покрыла небеса (Авв. 3, 3); а ныне Ты лежишь не имея образа, Ты — Который прекраснее, паче (всехъ) сыновъ человеческихъ (Пс. 44, 3), и не имея славы, будешь преданъ земле, Ты — славу Котораго возвещаютъ небеса (Пс. 18, 2). И гробница, вырубленная въ камне принимаетъ Тебя, которую, какъ отсеченную безъ участія человеческихъ рукъ гору виделъ Данииль (Дан. 2, 34–35). Безстрастнымъ явилось здесь Рождество Твое, какъ и въ Купине Божественное Твое соединеніе съ людьми (Исх. 3, 2–4), и на Іосифе (Прекрасномъ) былъ какъ образъ представлень злой умысль Іудеевъ въ отношеніи Тебя (Быт. 37, 11–28), какъ и подобіе смерти — въ Исааке (Быт. 22, 1–18). И такъ, остается (неисполненной еще)

тайна Твоего Воскресенія, предъявленная въ Іоне (Матф. 12, 39–40; Лук. 11, 29–30).

Увы, въ камень Ты полагаешься какъ мертвый, Воздвизающій чада Аврааму изъ камней (Матф. 3, 9; Лук. 3, 8). Потому что если бы этого не было, то тогда когда, по причине Твоей спасительной Страсти, камни рассеклись 27, 51), многіе не уверовали бы имени Твоему. Ты въ жизни не имелъ где главу приклонить, какъ Ты Самъ сказалъ Іудеямъ, которыхъ прикровенно ты уподобилъ лисицамъ (Матф. 8, 20; Лук. 9, 58), по причине ихъ хитростныхъ замысловъ, — но склонилъ ее, умерши на кресте, какъ посланный одръ обретши благоразумную веру разбойника. *Солнце обидело Меня* — пусть скажетъ начинатель ей (Песн. 1, 5); *зайде бо солнце еще среди полудне* — пусть возвестить Іеремія (Іер. 16, 9). Да, чувственное (матеріальное) солнце облеклось во мракъ, когда духовное Солнце Правды затмилось. И камни раскололись, вместе съ которыми, мне представляется, и Мое сердце имеетъ разорваться. О, святая Плоть, которая чудеснымъ образомъ изъ Моихъ кровей составила, потому что и древній долгъ имелъ быть возмещенъ. По этой причине Мне Ты склонилъ небеса, Владыко, и какъ дождь сошелъ на руно (Суд. 6, 37–40; Пс. 71, 6), чтобы пойти на смерть, телеса усопшихъ святыхъ воскрешающую (Матф. 27, 52–53), а Меня, родившую Тебя, умерщвляющую. Что же это такое, о, возлюбленнейшее Мое Чадо? Не нанося другъ другу ущерба, взаимно смешенными оказались элементы, искони не могущіе быть смешенными, и невещественный огонь Божества не опалилъ Мою утробу; а ныне иной огонь снедаетъ всю Меня внутри и тяжело опалаетъ самое Мое сердце. Черезъ Ангела Я приняла залого радости, и отъяла всякую слезу съ лица земли (Откр. 21, 4); и, вотъ, теперь въ Моихъ слезахъ они получаютъ приращеніе. Я знаю, что Ты снисходишь въ адъ, имея освободить заключенныя тамъ души (1 Петр. 3, 19), но и Мою

душу возьми туда съ Собою, на Своемъ пути проходя мимо Меня, заживо умершей, о, обнаженный и бездыханный Мертвецъ, и живаго Бога Слово, добровольно осужденный быть возвышеннымъ на крестъ, чтобы всехъ привлечь къ Себе (Іоан. 12, 32)! Какой изъ членовъ Твоего тела не потерпелъ страданія? Божественная для Меня Глава Твоя получила терніи (Матф. 27, 29), и они вонзились въ Мое сердце. О, прекрасная и священная Глава, которую некогда Ты не имелъ где приклонить и отдохнуть, ныне только для гроба склонилась для того, чтобы почить и, какъ сказалъ Іаковъ, какъ левъ уснуть (Быт. 49, 9)! О, желанная и любимая Моя Глава, пріявша удары тростниковой палкой (Матф. 27, 30; Марк. 15, 19), дабы исправить того, кто подобно гнилому тростнику былъ сломанъ со стороны лукаваго и ставшій далекимъ отъ рая! О, Ланиты, пріявшія заушенія (Матф. 26, 67–68; Лук. 22, 64–65; Іоан. 18, 22; 19, 3)! О, Уста, инья медоточивыя соты, хотя вы и вкусили горчайшую желчь и были напоены острейшимъ уксусомъ (Матф. 27, 34)! О, Уста, въ которыхъ не обретется ложь (Исх. 23, 7), хотя и лживое лобзаніе предало Тебя на смерть (Матф. 26, 49)! О, Руки, которыя человека создали, а ныне были пригвождены ко кресту, и въ аду простирающіяся и касающіяся рукъ, некогда коснувшихся запретнаго древа (Быт. 3, 1–6), и возставляющія отъ паденія всего Адама; о, Ребро, пронзенное копіемъ вследствие созданной изъ ребра (Адама) Праматери! О, Стопы, ступавшія по водамъ, и жидкую природу явно освятившія!

Увы Мне, Сынъ Мой, и старшій Меня! Какое надгробное сетованіе и какія погребальныя песни воспою Тебе? Я больше не являюсь маннопріемной Стамной, потому что душепитательная Манна въ гробъ изливается. Я уже больше не являюсь Неопалимой Купиной (Исх. 3, 2 сл.), потому что невещественнымъ огнемъ Твоего гроба Я всецело спалена. Я уже больше — не золотой Свѣтильникъ, потому что Свѣтъ Мой поставленъ подъ

спудъ (Матф. 5, 15). О, какъ много величій явилъ Мнѣ Сильный (Лук. 1, 49)! Изъ всехъ родовъ Ты избралъ Меня. Пророческими языками предвозвестилъ Меня. Имея придти съ небесъ, путемъ известнымъ Тебе Самому, Ты откладывалъ Свое пришествіе въ міръ, не имея достойнаго Сосуда, могущаго принять Божество. Себе единому Ты обручилъ Меня, даже и прежде Моего зачатія. Я была приведена на свѣтъ жизни, и на кратчайшее время пребыла съ Моими родителями. И вместе съ темъ, какъ я попрощалась съ материнскимъ молокомъ, я разсталась съ Моими родителями, и вся была принесена Тебе въ даръ, и была помещена въ храмѣ, чтобы стать чистейшимъ Храмомъ для Тебя. Отецъ Мой и мать Моя оставили Меня, Ты же пріялъ Меня (Пс. 26, 10), и кормилъ чрезъ Ангела, и, какъ говоритъ Давидъ: *Хлебъ ангельскій яде человекъ* (Пс. 77, 25). Я видѣла Ангела Первостоятеля, который говорилъ со Мною, какъ съ Владычицей, котораго, когда Захарія увидѣлъ раньше, пришелъ въ разслабленіе чувствъ и онемель (Лук. 1, 5–23). И возрадовался младенецъ во чреве (Елисаветы) и своимъ възиграніемъ обменялся целованіемъ (привѣтствіемъ), поклоняясь Тебе, бывшему тогда въ Моемъ чреве (Лук. 1, 39–45). Ты разрешилъ въ отношеніи Меня законы природы. Ты зачался безъ семени, какъ зналъ, и после рожденія соблюлъ Меня Девой. Ты сделалъ Меня матерью, о чаде веселящейся, по выраженію пророка Давида (Пс. 112, 9), ставшаго, посредствомъ Меня, богоотцемъ; и высшей всехъ дочерей, которыхъ Соломонъ сокровеннымъ образомъ представилъ (Песн. 6, 7–8). Мнѣ, хотя и весьма бедной въ отношеніи матеріальныхъ благъ, цари принесли рабское поклоненіе [2]. Ты явилъ Меня шире небесъ, отъ Которой Ты, Солнце славы, возсіялъ. И минуя все прочее чудесное, совершенное въ отношеніи Меня, (Я скажу, что Ты сделалъ Меня блаженнейшей во всемъ человечествѣ, и чрезъ Меня Ты сделалъ то, что и небесный міръ сталъ исполненнымъ. А теперь, не

знаю почему, все это смешалось и затмилось, и медъ смешался для Меня съ полынью. И ныне Я побуждаюсь умереть вместе съ Тобою и быть похороненной вместе съ Тобою, и сойти вместе съ Тобою даже до ада. *Светлымъ Облакомъ*, предвидя, пророкъ наименовалъ Меня (Ис. 19, 1), вместо облаковъ, проливающей слезы. Не обо Мне ли и это было предсказано: *Оставится дщерь Сіона, яко куща (шатеръ) въ винограде»* (Ис. 1, 8)? Потому что, вотъ, какъ сорванный виноградный гроздь предо Мною лежитъ чистый Гроздь жизни, источающій живоносную Кровь, какъ вино, веселящее сердца верныхъ (Пс. 103, 15). Увы, леденящій сей камень, какъ бы біемый железомъ Твоею мощною Рукою, духовными шипами ранить Мое сердце. О, почему у Меня не разорвется грудь, и тогда въ более таинственномъ смысле я, вместо этого, высеку, какъ бы въ камне, гробъ для Тебя; какъ бы снова прииму Тебя въ Моихъ внутренностяхъ, и въ Моемъ сердце упокою Тебя? Я — Камень неразрывный отъ Камня, несущаго Мою Жемчужину, Который, на основаніи богосіяннаго озаренія, усвоился Мне.

О, что же вместо этого Я вижу? Звезда, видимая въ теченіе дня, когда Ты родился (Матф. 2, 1–2. 9), была новосотворенная Твоимъ величіемъ, и Тебя, въ тайне рожденнаго, небо возвестило; а сегодня и само чувственное солнце Ты скрылъ, и навелъ ночь среди дня, устыжающую нечестивцевъ (Матф. 27, 35). Тамъ звезда послала персіянь, преклонившихъ колена предъ Тобою; а здесь страхъ передъ богоубійцами знаемыхъ и друзей Твоихъ далеко удаляетъ отъ Тебя. Тамъ — приношеніе даровъ и поклоненіе; а здесь — разделеніе ризъ и издевательство и венецъ глумленій (Матф. 27, 35. 39–44). Іудеи, которые раньше требовали знаменіе съ неба (Матф. 12, 38; 16, 1), пусть увидятъ теперь солнце померкшее и скрывающее светъ отъ достойныхъ мрака. Ныне и этотъ храмъ, по іудейскому обычаю, оплакиваетъ Тебя. Потому что какъ Іудеи, если слышали что кто богохульствуетъ, въ

возмущеніи разрывали свои одежды; такъ и этотъ храмъ, какъ одежду, разрываетъ свою завесу (Матф. 27, 51), видя Тебя терпящимъ зло отъ богоборцевъ. Страдаетъ и земля, волнуясь землетрясеніемъ, выразительно выражая скорбь о Твоемъ страданіи (Матф. 27, 51). Но где же множество пяти тысячъ мужей, которыхъ, совершивъ чудо, Ты насытилъ (Матф. 14, 18–21)? Да, только Іосифъ смело дерзнулъ обратиться къ Пилату и просить отъ него Твое тело, дабы оно не осталось непогребеннымъ (Марк. 15, 43–46). Где сонмы немощныхъ, которыхъ Ты исцелялъ отъ различныхъ болезней? Или где те, которыхъ Ты воскресилъ изъ ада? Только Никодимъ вынулъ гвозди изъ Твоихъ рукъ и изъ ногъ Твоихъ, и всего Тебя снявъ съ древа, горестно вложилъ въ Мои объятія, которыя Тебя и раньше, когда Ты былъ Дитя, съ радостью носили. И эти Мои руки, которыя служили Тебе, когда Ты былъ Ребенкомъ, и ныне служатъ Твоему погребенію. О, какое горестное погребеніе! Ты, Который даровалъ жизнь умершимъ, передъ Моими очами лежишь мертвый. Некогда послуживъ Тебе младенческими пеленами, Я ныне забочусь о Твоихъ погребальныхъ пеленахъ. Некогда Я умывала Тебя теплой водой, а ныне обмываю еще более теплыми слезами. Материнскими руками Я Тебя поддерживаю, но бездыханного и лежащаго по образу мертвыхъ. Ты тогда покрывалъ Мое лицо Своими сладчайшими поцелуями. Тогда Я могла считать Себя счастливой темъ, что чудеснымъ образомъ Я явилась Родительницей Моего Создателя. А теперь, въ свою очередь, Я могу считать Себя несчастнейшей оттого, что хороню Сына Моего. Тогда въ рожденіи Тебя Я избежала болезней, а ныне въ Твоемъ погребеніи Меня объяли болезни. Тогда по–младенчески Ты часто бывало засыпалъ на Моей груди, а ныне, какъ умершій, покоишься сномъ на той же груди. Я ублажаю Симеона, пріившаго Тебя въ храме изъ Моихъ рукъ въ свои (Лук. 2, 25–28 и сл.). И въ то время, какъ пророки пророчествовали о вещахъ приносящихъ

радость и говорящих о Моей славе, онъ единственный предсказалъ Мнѣ сумрачныя вещи, связанныя съ печалью (Лук. 2, 34–35). О, какъ Ты подвергъ Себя оплеваніямъ, Ты, Который Своимъ плюнованіемъ отверзалъ очи слепыхъ (Марк. 8, 23; Иоан. 9, 1–7)? Какъ Ты стерпелъ заушенія? Ты, Который бичемъ ударялъ торгашей священныя предметы и изгналъ ихъ изъ пределовъ храма (Иоан. 2, 14–16)? Какъ Ты подъялъ поносную смерть, о, безгрешный Сыне? Твои руки и Твои Ноги были пронзены, но гвозди Я чувствовала простирающими боль въ самую Мою душу. Ты былъ пронзенъ въ ребра (Иоан. 19, 34), но и Мое сердце было тогда пронзено вместе съ Тобою; вместе съ погребеніемъ Твоимъ отдаю Себя гробу. О, что Мнѣ жизнь, когда Тебя нѣтъ со Мною, о, Творецъ Мой и возлюбленнейшій Сынъ!

Но где сонмъ учениковъ, чтобы вместе со Мною, скорбящей, восплакать? Пораженъ былъ Пастырь и овцы разсеялись (Матф. 26, 31). Голова спитъ, и руки и ноги пребываютъ безъ деятельности! И другіе умирающіе склоняютъ головы, но это происходитъ тогда, когда сначала уйдетъ духъ человека; Ты же, наоборотъ, сначала склонилъ голову, затемъ велѣвъ смерти придти, предалъ Твой духъ (Иоан. 19, 30). И колени Твои не были перебиты, потому что и въ древности у приносимаго въ жертву агнца никакая кость не была переломлена (Иоан. 19, 36; Исх. 12, 46). Поклоняясь Страстямъ Твоимъ, Я съ благоговеніемъ лобызаю Твое Тело. Я принимаю воду, истекшую изъ Твоего пронзеннаго ребра (Иоан. 19, 34), которой означается для меня *баня пакибытія* (возрожденія) (Тит. 3, 5). Я принимаю также и кровь Твою, истекшую вместе съ нею, въ силу которой и въ силу тайны, изображается крещеніе; которая своимъ окропленіемъ освятила Благоразумнаго Разбойника и самого крестившагося темъ крещеніемъ, которое приключилось Тебе (Марк. 10, 38). О, горькое оное вкушеніе отъ древа (познанія добра и зла) (Быт. 3 гл.), которое привело къ тому, что суще

отъ земли возвратились въ землю. Но Ты же не отъ земли былъ созданъ не изъ глины былъ сотворенъ, ни совершилъ греха преступленія (Божіей заповеди). Потому что Ты — Самъ Создатель, Самъ — Творецъ; Самъ — Установившій законъ для твари. И что общаго между Тобою и смертью? Какое можетъ быть сочетаніе между гробомъ и Самой Жизнью? Что есть средняго между престоломъ на небесахъ, и гробомъ на земле? Тамъ Ты возседаешь вместе съ Отцемъ (Марк. 16, 19; Кол. 3, 1), а здесь погребаемъ бываешь вместе съ сотворенными. За добро Тебе воздалъ зломъ сей родъ прелюбодейный (Матф. 12, 39; 16, 4; Марк. 8, 38). Ныне Жемчужина повержена предъ свиньями (Матф. 7, 6). Ныне Святыня предоставлена псамъ (Матф. 7, 6). Ныне древо влагается въ Божественный Хлебъ (Іер. 11, 19). О, неистовство сребролюбія, которымъ заболелъ Іуда: ибо не серебрянники онъ пріобрелъ, а — человеконенавистничество. И если онъ любилъ деньги, то зачемъ же пришелъ къ Ублажающему бедныхъ (Матф. 5, 3; Лук. 6, 20; 16, 20 и сл.)? И зачемъ, представляется, смешалъ въ одно те положенія, которыя не смешиваются? О, неизреченная икономія Твоя, Владыко [3]! Кто достойно воспоетъ Тебя какъ Бога? Кто какъ Мертваго подобающе оплачетъ? Но созижди въ теченіе трехъ дней — какъ Ты сказалъ — Храмъ Твой, который разорилъ (Іоан. 2, 19–22). И поелику Я не могу принести Тебе ни достойныхъ воспеваній, ни подобающихъ надгробныхъ сетованій, то пусть во главе Моихъ словъ стоитъ следующее: величаю дела Твоя, потому что въ премудрости Ты творишь все (Пс. 103, 24). (S. Mariae Planctus. Migne. Patrologiae Graecae tomus 114 col. 209–217).

Печатается по изданію: Мудрейшаго и ученнейшаго Симеона Логофета Метафраста, **Слово на Плачь Пресвятыя Богородицы, когда Она объяла, принявъ со креста, Честное Тело Господа нашего Іисуса Христа.** // Церковно–богословско–философскій ежегодникъ «Православный путь»,

приложение к журналу «Православная Русь» за 2001 годъ. — Джорданвилль, 2001. — С. 5–14.

Житие Святого Григория Великого

Римский папа Григорий I Великий (в православной традиции — Двоеслов), один из немногих епископов Рима, почитаемых церквами и Востока и Запада, родился около 540 г. в Риме, скончался 12 марта 604 г. Происходил из знатного рода Анициев, давшего христианству двух пап, основателя западно-европейского монашества св. Бенедикта Нурсийского (приходился родственником по боковой линии) и многих других подвижников благочестия. Получил хорошее для того времени традиционное классическое образование; находясь на муниципальной службе в должности префекта Рима, хорошо изучил римское право, нормами которого руководствовался и далее в своей деятельности на посту римского понтифика. В 579–585 гг. выполнял функции папского представителя при императорском дворе в Константинополе. По смерти папы Пелагия II осенью 590 г. был избран жителями Вечного города на пост епископа, который и занимал до самой смерти. Всячески поддерживал распространение и укрепление монашества, организовывавшегося по бенедиктинскому уставу; основал на свои средства 7 монастырей. Как богослов прославился уже при жизни составлением толкований на книгу Иова, названную им «Моралии», «Гомилий на Иезекииля», «Гомилий на Евангелия», а также книгой «Пастырское правило», ставшей основой для жизни и пастырской деятельности любого священника церковью Западной Европы.

Особую любовь и известность вплоть до XIII в. доставляли свт. Григорию его «Диалоги о жизни италийских отцов и о бессмертии души», бывшие

долгое время не только наиболее известным и авторитетным в Западной Европе сборником житий, но и главным источником по формированию в латинском богословии системы взглядов на загробный мир, рай и ад. В середине VIII в. они были переведены папой Захарией на греческий язык, и именно эта книга принесла Григорию почетное прозвание Двоеслова (Dialogus). Кроме указанных сочинений, папа написал толкования на 1 книгу Царств и Песнь песней, а также оставил обширное эпистолярное наследие в виде Регистра писем (их около 850). Его богословие носит по преимуществу моральный и отчасти символический характер. Согласно традиции, папа считается реформатором годичного круга богослужения Западной церкви, а также создателем специальных школ для подготовки церковных певчих.

* * *

Автор данного жития Григория I Великого (Двоеслова), преп. Симеон Метафраст, является одной из самых известных — и одновременно загадочных — фигур византийской истории и литературы. До сих пор не установлено с полной достоверностью, являются ли Симеон Метафраст и Симеон Логофет (или Магистр), которых часто отождествляют, одним и тем же лицом. Так, автор статьи в Энциклопедическом словаре Брокгауза–Ефрона считал, что это два совершенно разных человека, а слова «Метафраст» и «Логофет» всего лишь прозвища [4], следуя, очевидно, аналогическому мнению русского академика А.А. Куника, высказанному им еще в 1848 году [5]. В силу отсутствия точных хронологических данных нет единого мнения и насчет дат его жизни. Так, один из виднейших католических историков XVI в. Ч. Бароний считал, что Симеон Метафраст жил в первой половине IX в., однако в результате тщательных исследований выдающийся русский византист В.Г. Васильевский установил, что автор

жития свт. Григория Великого жил во второй половине X в. и умер между 990 и 1000 годами [6].

Отождествляя Симеона Метафраста и Симеона Логофета, В.Г. Васильевский, описывая личность этого исторического деятеля, сообщил, опираясь на сведения, почерпнутые из сочинений византийского хрониста, ученого и государственного деятеля Михаила Пселла, что Симеон Метафраст родился в столице империи, Константинополе, прославился умением сочетать философию и риторику, был богат, занимал высокие должности при дворе: он был и госсекретарем, и политическим советником императора, и логофетом дрома [7]. Прозвание Метафраст (греч. «пересказчик») он получил за поистине исторический труд («великий подвиг», по выражению В.Г. Васильевского) — переложение, переработку, сведение воедино и издание древних текстов о мучениках и житий святых. В имевшихся в то время житиях, с его точки зрения, существовало много недостатков — они были написаны грубым, нелитературным языком, их тексты были перегружены иногда вовсе нелепыми «чудесами», искажавшими облик того святого, которому они были посвящены. Под руководством преп. Симеона Метафраста была проделана огромная работа по составлению житийного свода. К сожалению, до конца она доведена не была. Задача же стояла следующая: сохранив дух данных житий, привести их текст в соответствие с литературными требованиями и духовными запросами современного общества, то есть изменить лишь стиль и характер изложения. Убраны были длинные и похожие друг на друга вступления и заключения. Оставались главным образом лишь повествовательные части и описания чудес, совершенных при жизни праведника. Все эти жития после переработки объединялись простотой изложения, краткостью, достоверностью, доступностью для чтения и понимания.

Точно неизвестно, сколько житий было составлено таким образом, а сколько переписано заново самим преп. Симеоном Метафрастом. Полного собрания их не существует и сегодня. По мнению Л. Алляция (XVII в.), Симеон собственноручно исправил и написал 122 жития.

Новые принципы построения агиографических сочинений сказались и на данном житии свт. Григория Двоеслова. Сразу надо отметить, что оно выделяется из остальной массы текстов, в частности, тем, что в нем не прослеживается весь жизненный путь свт. Григория. Путем компоновки двух фрагментов единого сюжета автору удалось создать действительно возвышенный облик святого, оборвав повествование на описании момента наивысшего духовного подъема его героя.

Вместе с тем необходимо сказать и об источниках, на основании которых было создано это житие, не являющееся полностью оригинальным произведением. Судя по всему, преп. Симеон Метафраст использовал два фрагмента из биографии Григория, написанной в 870–х гг. Иоанном Диаконом [8], бывшим монахом монастыря в Монте–Кассино. В отличие от жития папы, созданного Павлом Диаконом, данное произведение было написано с четко выраженных проримских позиций. Симеон Метафраст объединил и переработал материал двух глав: 10 гл. I кн., сюжет об ангеле в образе нищего, и 23 гл. II кн., сюжет об ангеле — тринадцатом участнике трапезы. В таком переработанном виде житие свт. Григория Великого появилось на Руси, где позднее было включено (в раздробленном и вновь переработанном виде) в Житие свт. Григория в мартовской книге житийного свода свт. Дмитрия Ростовского.

Несмотря на все вышесказанное, в науке до сих пор нет полного единства в отношении принадлежности данного жития свт. Григория перу

византийского агиографа. Непосредственно автором преп. Симеон назван в Парологии Ж. — П. Миня, составители же болландистского справочника-указателя по средневековой латинской агиографии воздерживаются от определения личности автора: они просто указывают на то, что это — латинская версия греческого жития Григория, древний вариант которого был найден в cod. Bruxellensi 64 [9].

Данный перевод сделан по изданию: *Vita s. Gregorii Magni per Simeonem Metaphrastem // Patrologiae cursus completus. Series latina. T. 75, Paris, 1862, cols. 496–498.*

Блаженный Григорий, бывший понтификом Святой и Божией Римской Церкви, до того как стать патриархом, был монахом в монастыре св. апостола Андрея у подножия Скауры, недалеко от храма святых мучеников Иоанна и Павла [10]. К тому же и сам он стоял во главе монастыря. Матерью его была блаженная Сильвия, которая жила тогда около ворот святого апостола Павла, в месте, доставшемся ей по наследству от отца. Называлось оно Целла Нова [11]. Случилось так, что, когда он сидел в своей маленькой келье и писал, явился ему нищий и промолвил с мольбою в голосе: «Смилуйся надо мною, о раб Бога Величайшего, некогда был я кормчим корабля, но потерпел крушение, лишившись и своего и чужого добра». Григорий же, настоящий раб Христов, бывший необычайно щедрым к беднякам, призвал управляющего и сказал: «Дай ему, брате, шесть золотых монет». Брат же, которому поручил это дело раб Божий Григорий, исполнил порученное и дал немного денег. В тот же день тот же бедняк снова приходит к блаженному Григорию и говорит ему: «Смилуйся надо мною, о раб Бога Величайшего, столь много потерявшим и мало от тебя получившим». Блаженный же Григорий снова призвал своего слугу и сказал

ему, чтобы он точно так же отсчитал этому бедняку шесть монет. И этот брат повиновался ему. Получив двенадцать монет, бедняк ушел, но вскоре, в этот же день, опять вернулся к блаженному Григорию. «Смилуйся надо мною, — сказал он, — раб Бога Величайшего, и дай снова что-нибудь по щедрости твоей, ибо я очень сильно поиздержался». В третий раз призвал Григорий управляющего и сказал: «Дай, брате, этому бедняку еще шесть монет». А тот ему отвечает: «Поверь мне, отче, в ларце не осталось ни одной монеты». И говорит ему блаженный Григорий: «А разве нет у тебя хоть чего-нибудь в кладовой, сосуда какого, или одежды, которыми ты бы мог одарить того бедняка?». «Нет, — отвечает тот, — никаких сосудов, разве что один серебряный, который прислала одна госпожа полный, согласно обычаю, бобов». «Иди, — говорит раб Божий Григорий, — и подай его тому бедняку». Брат исполнил то, что было ему поручено блаженным Григорием. Тогда бедняк, получив двенадцать монет и серебряный сосуд, удалился [12].

Когда же Григорий был патриархом святейшей и величайшей Церкви Божией древнего Рима, то, как то было в их обычае, как-то раз приказал он казначею созвать к своему столу двенадцать бедняков, чтобы они смогли позавтракать с ним. Тот послушался и созвал этих бедняков. Однако когда они заняли места за столом вместе с патриархом, то оказалось, что их — тринадцать. Вследствие чего Григорий выкликнул хранителя казны и спросил: «Разве не двенадцать человек приказал я тебе позвать? Почему же здесь, вопреки моему указанию, созвано тринадцать?». Тот же, убоявшись его, отвечает: «Поверь мне, о почтеннейший господин, их — двенадцать».

И действительно, никто, кроме патриарха, не узрел тринадцатого. Сего тринадцатого, сидевшего во главе стола, из всех вкушавших трапезу видел только он. И вот, образ его принимал разные формы. То выступал он под

видом старика, то под личиною юноши [13]. И вот, когда все они встали из-за стола, блаженный Григорий, отпустив остальных, сего тринадцатого, представшего в столь удивительном виде, схватив за руку, ввел в спальню и обратился к нему со следующей речью: «Умоляю тебя величайшим именем Бога Всемогущего, открой мне, кто ты и как тебя зовут?» [14]. А тот и отвечает: «Почему ты расспрашиваешь об имени моем? Что здесь удивительного? Я — тот бедняк, который пришел к тебе в пристанище святого апостола Андрея у подножья Скауры, когда ты сидел в своей комнате и писал, которому ты дал двенадцать монет и сосуд, присланный тебе с бобами блаженной матерью Сильвией. Поскольку же очевидно, что ты постоянно пребывал в просторе и смирении сердца, по причине чего ты и отдал мне это, то порешил Господь — быть тебе понтификом Святой Церкви твоей, ради которой Он также пролил Свою кровь, и преемником Петра, князя апостолов [15], дабы смог ты доставить каждому все, что ни понадобится». «А откуда, — говорит блаженный Григорий, — ты узнал тогда о словах Господа и решил, что я стану понтификом?». «Потому что, — отвечает тот, — я ангел Бога Всемогущего, потом-то и узнал я это. И тогда Господь послал меня исследовать намерение души твоей, творишь ли ты милостыню по доброте своей, либо же совершаешь то из притворства». Услышав эти слова, блаженный Григорий уstraшился, ибо не знал он раньше, что это ангел, а потому поступал и говорил с ним, как с человеком. И сказал ангел блаженному Григорию: «Не бойся, ибо послал меня Бог, дабы с тобою пребывал я в сей жизни». Он же, услышав это, приник лицом к земле и восславил Господа и сказал: «Если уж сею малостию заслужил я расположение, и Господь тишайший явил столь великую щедрость мне, послав ко мне ангела Своего, ставшего моим стражем вечным [16], то каким же будет величие славы тех, кто подчиняется Его указаниям и почитает

справедливость? Истинно вещает говорящий, что милосердие проявляется в суде и что полезное Богу делает жалеющий бедняков. Да и сам Господь ангелов, Творец блага человеческого, тех, что одесную поставлены будут, так ободряет: «Приидите, благословенные Отца Моего, примите уготованное вам от создания мира наследие царства». И: «Алкал Я, и вы дали Мне есть. Жаждал, и вы дали Мне пить. Был Я чужаком, и подобрали вы Меня. Болел, и посетили Меня. Был наг, и вы покрыли Меня. В темнице был, и вы пришли ко Мне. Как вы сделали одному из братьев Моих младших, так и Мне сделали» [17]. О, если бы при этом всем нам услышать сей блаженный глас, который мы и слышим ушами, и воспринимаем из священных книг. Так последуем же сему вечному благу, которое уготовал Бог почитающим Его милостью, а также добротой Господа нашего Иисуса Христа, Чья слава во веки веков. Аминь».

(пер. М. А. Тимофеева)

Текст воспроизведен по изданию: Преподобный Симеон Метафарст. Житие свт. Григория Великого // Альфа и Омега, 1997, №1(12), с.189–195.

Житие и деяния Илариона Грузина

Метафрасная редакция

Благослови, Отче!

Настало время, принесшее нам добрую замену прежним святым, и ныне перед нами явлен Иларион, коего мы намереваемся восхвалить. Он воссиял, подобно первым оним отцам, благочестием, деянием и любовью. Воспылала душа его любовью ко Христу, всё презрел, дабы Одного Его обрести, благоволения Коего и Духом от Него стал преисполнен, как велит

глас Царственный и глаголит: «Кто возлюбит Меня и сохранит слова Мои, и Отец Мой да возлюбит его, и придем и обитель возведем подле Него».

Ныне же тот, кто станет достоин сподобиться его завета и голову свою приготовляет для подвигов в той святости и твердости, таковой воистину по праву достоин всякой чести и обильного воспевания и превыше он славы человеков и паче силы нашего слова.

Однако поскольку посильное усердие похвально и благопочитаемо, то начну я ныне повествовать вам из многого лишь толику, чтобы (хотя бы то) отчасти исполниться желанию его и подражанием ему восхитить благолюбивые души.

Сей воистину Божий человек был родом грузин, из страны христианской и верообильной, которая пришла к истинной вере в пору великого Константина, царствование коего было от Бога и который познал Истинного Бога Небес. (Страна

стр 104

эта) с того времени и поднесь, совершенно не смешалась с плевелами распрей и не приняла семени лукавства, но по учительству святых апостолов и богоносных отцев придерживается прямой веры, исповедуя Святую Троицу единосущую в трех ипостасях, поклоняется Отцу и Сыну и Святому Духу и потому как в пущем блеске и красе проповедует неслиянность оных трех Ипостасей и неразделимость в одном естестве, славит Троицу в единосущности и единосущность в троичности, единосущность в три-сиянии и троичность в единой воле, единой сущности, одной власти, одном Царстве. Также в Божественном блеске верует в неизреченность Таинства едиnorodного Сына Бога, за нас и нашу жизнь не от семени

вочеловеченного Святой и Приснодевой Богородицей Мариам и как родитель нетленно Его сберегшей. Единой плотью признает Христа в полноте двух естеств и верует в оба естества Христа, в две воли и в два деяния, во взаимном воплощении, но в естестве раздельные, и признает Его пострадавшим плотью, потому взалкал и жаждал и натрудилсЯ и по своему волеизъявлению возложил на Себя распятие и смерть, но от Бога невредимо и бессмертно. И потому как тление плоти перевел в нетление и вознес в Небо и посадил одесную Отца с Которым явится вновь, чтобы судить живых и мертвых.

Именно из такого рода боголюбивого и воистину корня добра и произросли добрые плоды, которые разливали благоухание богослужения, и сотворен во всем цветком благоволения изумительный сей Иларион. А был он, блаженный, из Кахетского княжества от родителей славных и известных и с избытком богатых. А отец его владел воинством и был отважен в боях. Но паче был украшен добрым подвижничеством и простотой жизни. Матерь его также была споспешительницей странников и труженицей ради убогих и непрестанно в горячих молитвах и молениях ко Господу.

От сих боголюбивых людей родилась сия ветвь богослужения, и подобно Самуилу, прежде рождения обетовали его

стр 105

Богу. И нарекли его именем Иларион согласно деяниям его, что переводится с эллинского языка Радостный. И крещением освятили его в купели, в которой снизошла на него в изобилии благодать Святого Духа, ибо нашел душу отрока достойным принятия освящения Его. Когда же ему стало шесть лет, он был отдан на обучение Божественным Писаниям некоему

священнику, глубокому старцу, украшенному благодатью. А сей отрок остротой ума и обилием благодати в короткое время усвоил все ветхие и новые писания к изумлению всех, которые видели и которые слышали сию мудрость и расторопность, а также опрятность и кроткий его нрав и уважительное ко всем отношение.

Отец же отрока постоянно ходил ко старцу навещать своего сына, потому как обитель их была расположена неподалеку и где стал он про себя размышлять о благом намерении построить на том месте монастырь и сына своего в качестве поднесенного дара посвятить Богу, как было то заповедано прежде рождения его.

Решив это, он спешно приступил к сему славному делу и с поспешностью возвел церковь и кельи и собрал монахов числом шестнадцать и определил им настоятелем прежде упомянутого священника по причине изначального его подвижничества и к числу тех подвижников присовокупил своего сына и придал ему образ монашества, а отрок сей, блаженный, с великой радостью воспринял сей образ, как некогда Исаак подчинился Патриарху Абрахаму, покорно ожидая принятия смерти от рук отца своего.

Затем родители отрока справили великое празднество и радовались немало дней и раздали нуждающимся множество средств и весомые сокровища, и так преисполненные надежд разошлись по домам.

А отныне с большим желанием воспылали о своем дитяти родители отрока, которые не переставали постоянно посещать монастырь, но увести его в их жилище оказались не в силах, ибо не повиновался он им. Но все монашеское содержание

выдавали ему сполна и молили всех, дабы не притесняли отрока суровым трудом. Но божественый Иларион всячески вождедел Христа и был скор на соединение с Ним и постоянно упражнял себя согласно велению Его, а именно: «Кто возлюбит отца или метерь более Меня, тот не достоин Меня». Ввиду этого его тяготили постоянные посещения родителей его, и чтобы они не мешали ему на путях богослужения, он, став шестнадцати лет, ушел прочь и примкнул к оным отцам подвижникам, которые заселяли Гареджийскую пустынь. А место же сие пустынное и совершенно отделенное от мира, весьма жестокое и безнадежное, где пребывавшие там подвижники не только вовсе не строили келий, но проживали в гротах и расщелинах скал. Не только отдалили себя от вкуса хлебного и мирских утех, но и самое необходимое для плотских нужд, которое суть хлеб и вода, весьма недостаточны и неутешительны.

Сих и достиг святой Иларион и нашел некий малый грот, в котором и поселился, словно в позлащенном храме, и в вечных размышлениях о Господе скрытно бежал по путям подвигов и стяжал драгоценные сокровища благодати. Когда же он нашел в гроте, близком от своего, людей подвижников, распятых на кресте и дела их, отважно покоривших плоть свою духу своему, сей великий стал подражать им и спешил затеряться среди них, ибо воспылала душа его божественной ревностью и, силой преодолевая восхождение, нескончаемым случилось ему восхождение сие, для чего, спустя немного времени, все было пройдено и паче трудом человека, молитвами насущными, непрестанным бодрствованием, горним взором разума и умиротворением и услаждением псалмами — постоянным источником, исторгающим слезы, всенощно недвижимым стоянием. Кроме всего этого был он душой смиренный, кроток сердцем и прям помыслами, благообразен, острый разумом и пламенный в исполнении всех заповедей

Господних. Но паче был уязвлен любовью ко Господу и этой стрелою была пронзена душа его и неразрешимо связана

стр 107

узами любви ко Господу, почему и исполнялось на нем волеизъявление Спасителя, а именно: «Взлюби Господа, Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумом твоим.» И не будет это мерою, но всяческим соблюдением всех душевных сил, чтобы не быть склонным ни к чему присно приходящему, но чтобы трепетать во страхе и желании ко Творцу. Всеми этими деяниями разумной души сей боголюбивый человек был добродетельно украшен. И ежели как и когда и сколь было растворено его благолепие и поступков и следований, то исполнял он изумительные деяния, однако стремился он лишь к одному, — чтобы вся жизнь его была по воле Бога, но не вопреки заветам Его.

А пропитанием ему служили хлеб и чечевица, размягченная в воде, и дикая зелень, сколь можно было их раздобыть в той сухой и беспочвенной пустыни. И как бы немного выискивалось у самой природы, он довольствовался лишь тем, чем можно было поддержать соединение плоти его с душою, а плоть его была безнадежно ущемлена. Но не так было с духом, а наоборот, ибо растил он его неизменно щедро и нежил денно и ночью и повседневно упражнял его в вере Божественной, подражая некогда составленным Божественным писаниям всегда орошал его; отчего дерево, посаженное в потоке Божественных писаний воистину дало в пору свою добрые, вельми благовонные и многообразные плоды.

И тогда же столь воссиял он, словно некая звезда благая, совершенно блистательная, которая испускала прекрасные молнии благодатные, как это явствовало и не стало скрыто, хотя он и стремился к скрытости, но разошлась

весть о нем в той земле и ее окрестностях. И отныне стали посещать его дальние и близкие и даже подвижники той самой пустыни, и все преисполнялись пользой обильной, исходящей из источника его наставничества. Затем многие приходили к нему из дальних стран, как я уже сказал, и сходились как к благовонию мира и молили его быть при них, чтобы научиться от него и духовно готовиться к жизни

стр 108

Но потому как сей желанный возлюбил тихое и несуетное уединение, он пребывал в одиночестве все время тех десяти лет в том же малом гроте и никому из них не позволил оставаться при нем, хотя некие, возлюбившие благодать, умножили мольбу к нему и понуждали к невольной покорности. Покорился им блаженный не по (своей) воле, но по заповеди Того, Который глаголит, а именно: «Не стяжайте себе, но лишь ближнему», почему он затем и призрел пришедших к нему, число коих достигало одиннадцати, и научал их Всевышнему и ангельской жизни и наставлял их на оном пути, ведущем к Богу, ибо в многоопытности своей и превысокой природе подвигов познал он испытание горнего духа. И ежели кого постигнет некая рана душевная, что многократно случается с суетливыми, он врачеватель их искусный и опытный. Приходили братья оные во всякие дни и раскрывали ему слова своих сердец, а он кроткий и сладкий отец, каждому из них давал целебное средство, которое он по опыту и разуму и многими своими рассуждениями содержал в голове своей. Затем он также наставлял и научал, дабы обрести веру и кротость и отсесть от себя хотения свои, помнить о смерти присной и страхе нестерпимых мук, кои жалкие грешники, увы, уготовляют себе, и дабы желали Царства Небесного и неизреченной благодати, кои Бог уготовил к Истине; кроме того, он непрестанно наставлял

не предавать себя праздности, но трудами и подвигами покорить плоть свою и занимать руки делами, через которые иссякает пыл и будет облегчено проникновение Слова Божиего в сердца и помыслы.

И так по научению одного отца просвещались сии братья и были скоры в подражании сему благому, и подобно добрым всадникам, усердно следующим за военачальником, сражались с невидимым, ибо отважно облачились в монашество, которое и есть покорность, правосудие, послушание, мысли о смерти, обилие слез, молитвы безмолвные, любовь ко Господу и ближнему и ряд других подобных благоволений, которые окрыляют душу.

стр 109

Потому как имя сего святого прославилось по всей этой земле, некий епископ близрасположенного мтаварства человек святой и наделенный благом предвидения, пришел к нему, ибо ото всюду был слышан о благодати сего человека и преисполнился Божиего удостоверения, ибо истина суть превыше изречения, и, узрев его, приветствовал его с вожделием и милосердием и Божественной любовью, и преисполнился он от него обильно полезного добра и беседы духовной и говорил ему: «Благодарствую Бога, сын Иларион ибо внял Он гласу мольбы моей и не лишил меня грешного сей чести лицезреть тебя, я же молю тебя: Богом данной мне властью уведомляю тебя, дабы исполнил ты одну просьбу мою — из рук моих покорных прими рукоположение во священники .

И он, который непрестанно избегал недуга непослушания, то и тут покорился воле одного первосвященника, (хотя) и страшился ига священничества и совестился. Затем первосвященник воздвиг алтарь в том гроте и освятил его и благословил божественного Илариона в диаконы, а на

следующий день сполна посвятил его во священники, и узрел епископ в час рукоположения его благодать Духа Святого, снизошедшего на него и возложенного на главу святого.

И узрел это не только епископ, но и братья, которые также были сподоблены того видения, явно зрели оком душ своих, и узрев чудо очами душ, славили Бога. Возвернулся первосвященник оный к пастве своей и поведал всему народу об успехах оного человека Божиего. А желанный Иларион, приняв чин священничества, сделал его основой проявления великих подвигов и все более преуспевал в благодати, а те, кому приходилось видеть его, славили Бога со словами Благовествования, которое глаголит, а именно: «Так воссияют лучи ваши перед людьми, дабы зрели дела ваши добрые и славили Отца вашего Небесного».

Слыша это, являлись к нему далекие и близкие лицезреть его и чудодеевания его. Уже многие молили его быть при нем

стр 110

в той пустыни, желали они того более, чем блаженства в палатах царских перед царем.

Видя себя в таком почтении, сей во истону Божий человек и потому как поприще его отшельничества и уединения было нарушено, избрал одного брата, который превосходил прочих словом и делом, и вверил ему правление монастырем. А сам вместе с одним из учеников отправился на поклонение святым местам и с усердием ступил на оный путь, ведущий в Иерусалим, и молился о преуспянии на том поприще и говорил: «Сопутствуй мне, Господи, на путях Твоих и иди мне по истине Твоей».

И когда достиг божественный сей священник Асурастана, в пути том повстречали его арабы, что вышли на разбой, обнажили мечи свои и подняли руки свои злобные и возжелали пролития крови невинной. Но десница Господня спешно низошла во спасение рабов Своих, ибо подняв руки свои скверные, чтобы поразить мечем достойного всякого почитания, руки их вдруг засохли и десницы их застыли в воздухе.

А Божий сей человек со учениками своими шел по дороге своей невредимым: те убийцы, рыдавшие от постигшего их испытания, приступили к нему, с плачем пали (пред) ним и молили разрешить узы их и сподобиться радости (полученных) от него мучений, и удостоверляли его и клятвенно заверяли, что никогда и нигде (впредь) не коснутся монахов. В это время прошли они около пяти стадий и ввысь держали свои руки с обнаженными мечами. Милосердно смилостивился отец над ними, обратился к ним и изобразил чудо Креста на мечах в засохших десницах их, и тут же разрешились от чуда и вновь обрели природный вид, за что благодарствовали его. И бегом поспешили к своему жилищу и приподнесли ему хлеба и фиников, и страх охватил их перед сим чудом, и многим прочим рассказывали о том, и называли его Божьим человеком. А один из тех арабов ушел с ним до горы Фавора и указывал им дорогу и во всем прислуживал.

стр 111

Однако добрый Иларион поклонился горе той Фавор и прочим тамошним святым местам и затем пришел в святой град Иерусалим и обошел и поклонился всем поклонным местам и поклонился Святая Святых. Затем пришел в лавру св.Саввы и провел (в ней) несколько последних дней, а бывшего при нем брата оставил при отце, сам же вошел в пустыни

Иорданские и вступил в грот, в котором первоначально пребывал Элий Тезбитский, а последним Иоанн Предтеча и Креститель Христа. Вошел в него и стал радостен душою, и свидетельствовал и произнес, что по знамению свыше ступил он в сей грот, в котором и утвердился. И очистил душу свою от всех забот мирских и удалился от общения со всякими людьми и затем сполна отдал себя во благо их и в уединении предавался молитвам ко Господу и созерцанию высокого Его Разума, ибо был он скрытен в том гроте. И совершенно не стало какого-либо к нему посещения, и ни подачи ему какого-либо пропитания или подачи в пищу мясного, но питался он травами пустыни, да и того было весьма скудно, но потому, как был он сражен жалом любви ко Христу, легко переносил все лишения, и более прочих (испытывал) раадость от трудов в пустыни.

И в течение семнадцати лет стяжал он подвиги в том гроте, нечто необычное и дивное, превосходящее человеческую природу.

После того привидился ему во сне человек страшный в блеске, который велел ему и говорил, а именно: «Спешно восстань, Иларион, и иди в страну твоего рождения, Господь благоволит родителю твоему весьма. И сотворил он молитву, дабы не расстался он с плотью и миром, покуда не узрит тебя, сына своего. Ныне к вратам его подступило скончание его, потому и повелевает тебе Господь, исполняющий желания богобоязненных, дабы отправился ты к нему и справил чин и с почетом упокоил его. А затем вновь приступил ты к подвигам, как о том велит тебе Господь и Владыко всевластный».

стр 112

Пробудившись ото сна, он стал размышлять о привиденном, ибо возжелал пребывание в сем гроте до последнего вздоха, потому как почитал

его своим жилищем в виду суровости местности и недоступности людской. Но хотя это так и было, но промысел Божий распорядился иначе, ибо в наступившую ночь видел он себя взошедшим на Масличную гору и лицезрел святую Богородицу, восседавшую во славе несказанной и десять неких человек в блистательных одеждах, стоявших перед Нею, и велела призвать Илариона и повелела ему, а именно: «Спешно исполни то, что было велено тебе явленным ангелом в прошедшую ночь». Придя в себя, Иларион произнес так, а именно: «Да будет воля Господня». Затем встал и всю ночь посвятил молитвам и молил Господа со слезами жгучими защитить его незыблемо в пути, ведущем к (вечной) Жизни.

На рассвете вышел из грота и взошел в святой город, поклонился оному святому Гробу и посетил вершину места, на котором за нас и нашу жизнь Невредимый пострадал плотью. И обойдя все это и поклонившись, отправился по веленному ему пути и после немалых дней достиг отчины своей и нашел, что отец его и брат его уже преставились, а мать его покуда была жива с одной его сестрой, которые узрев желанного, преисполнились слез и несказанной радости и с милосердным желанием лобызали руки и стопы его.

Говорила ему мать его: «Сын возлюбленный, сын желанный, потому наш Владыка не презрел слез моих, но удостоил меня при жизни моей лицезреть пречестный лик твой, отныне же, как то угодно тебе, так и распорядись о нас, ибо средства и богатства наши отдай Господу и облачи нас в образ подвижниц и научи нас молчанию и покаянию в грехах наших, дабы и мы обрели спасение от тебя, как множество прочих посвятил ты Богу».

Духом был возвышен и достоин всего сказанного о нем и оный дом девственников обратил он в монастырь и обустроил, и мать свою и сестру постриг в нем и облачил их в образ

стр 113

монашества. И пробыл с ними немного дней, а мать свою, достойную Бога, ко Господу своему проводил, та с миром и опочила. А божественный Иларион достойно насмирнил тело достойной оной женщины и данное от земли земле же предал, а душу ее восприняло Царство Небесное.

После этого сестру свою сопричислил к достойным девам, а все богатство свое разделил бедным, себе же оставил нечто оставшееся для содержания, и снова пришел в Гареджийскую пустынь, где прежде разместил он братию, на месте же мученичества святого отца Давида возвел церковь и пожертвовал содержание обитавшим в ней, почему и прибывало туда изо дня в день множество люда, ибо именовали его источником благолюбивых их душ, словно олени душевные жаждали они влаги духовной. Затем и прочего премного множества сокровищ приносили и клали у ног святого.

Однако злодей, враг Истины и супротивник святых не вынес вида добрых дел, совершенных Иларионом, почему и учинил ему препоны искушения. Он ворожил дела боголюбивые, ибо повстречал он брата матери святого, призвал его на борьбу против Истины, хотя на этом сокрушились силы его, как о том выявит слово сие, ибо повиновался тот человек совету вражьему. И вот собрал он воинов и явился в возведенный святым монастырь, чтобы сжечь его и расхитить и говорил он, а именно: «Мне более положено владеть всем богатством сестры моей».

Но братия уведомила обо всем этом одного отца, ибо от сказанного обо всем том были они встревожены. Говорил им раб Божий Иларион: «Будьте покойны, братья, приступайте каждый из вас к отведенному ему делу, ибо ежели добро творимое нами — не по воле Христовой, сгорит и злостно рухнет возведенное, но ежели возведение сего святого храма совершено по воле Господней, оставим, он сам будет бороться за нас, а мы да замолкнем».

Так утешил он печаль братии и отправил в свои кельи. Он же приступил к молитве и непреклонному созерцанию.

стр 114

Когда же все это свершилось, постиг насильника того, брата его матери, гнев Божий и стремглав дух нечистый овладел тем неправедным и теснил его и мучал немилосердно на погибель плоти, дабы душа спаслась, согласно словам святого апостола.

Когда ночь прошла и наступил рассвет, он, жалкий, осознал в голове своей некую печаль и понял вину сердца своего, покался в совершенной дерзости и пришел к оному святому и распластался у ног его и молил о спасении от злобы своей. А оный Божий человек покорился милостиво и изобразил чудо Креста на членах его недужных и стремглав и спешно изгнал поселившегося в нем дьявола и сделал человека того во всем здоровым и невредимым. Не пожелал оный человек ни возвращения в мир, ни к делам мирским, но тут же сделался монахом и все достояние свое пожертвовал монастырю и отныне блаженствовал он в премномом послушании и в смирении и в премногих подвигах завершил долгое время жизни своей. А святое то место, обустроенное оным святым, приумножалось добром, ибо исполнялись в нем ангельские подвиги и на земле созерцали дела

Небесные. А недуги и боли души и тела день ото дня изгонялись. Однако, обилие обрядов отшельничества делало его недосужным и был он у всех на устах и словно некое светило, озарял он окрестности и притягивал всех к себе, подобно камню с магнитным железом. Помимо всего этого, силою удивительного добра наставлял и научал он всех с радостью и человеколюбием и, чтобы сказать коротко, был он оком слепых, ногами хромых, домом бесприютных, врачевателем больных, воспитателем, служителем и утешителем — всем и всяким доставалось преизобилие его человеколюбия, ввиду чего делам его Божественным все возбуждались славословием.

Ввиду того, что затем епископ той стороны преставился ко Господу, произошло свидетельство и решение всего люда и лично их владельца, чтобы храм сей епископский вверить ве-

стр 115

ликому Илариону и стал бы он пастырем их и первосвященником, потому как был он достоин этого высокого преемства.

Когда же это достигло слуха его, которому более всего было любо житие тихое и долготерпимое, и оставаться другом и сверстником всех, опечалился весьма и поразмыслил, что иначе невозможно умиротворить ему их, — и смотри, что он сделал, — избрал одного брата, человека честного и во всяких благах испытанного и поставил его настоятелем монастыря, сам же якобы замышлял отправиться в храм первосвященства, обратился к нему и говорил: «Ну, вот, — пастырем и настоятелем братии сей назначаю тебя по знаку Господнему.

Отныне береги самого себя и паству сию, ибо ты обязан преподать им Слово. Зри, брат, и не бесчесть ни один из данных мною тебе заветов, не оставляй в неведении праздно жизнь братии и паче тех, сердца которых отягчены словами богохульников, и не сменяй ни правил, ни канона.

Никогда не замыкай ворота монастыря перед странниками и немощными, но пусть кров сей будет общим для вас и для чужестранцев. Будь во всем равным в общении со своими и убогими, со всеми своими и просителями, ибо ежели поступите так, то многократно пожнете пользы Небесной, и будете вы взаимно связаны цепями взаимной любви и единения, ибо это и есть совершенство всякого блага, ибо без этого нет благу достойного пути, потому как всякое благо утверждается и познается через любовь и смирение, как сказал кто-то один из них и самого Бога назвал Любовью, и у кого будет любовь, в нем и утвержден Бог, а он в Боге, как глаголит Иоанн Богослов, что «через любовь, которую имел к нам Творец, снизошел по воле Своей до нас и явился нам».

Ныне нам должно со всей поспешностью обрести любовь, со всем смирением и милостью объять ее, дабы возвыситься нам ко Господу и вовек не подвергнуться падению. Отныне, братия, да охватит сердца ваши мир Божий, который превосходит всякий разум, и всякие силы лукавые да удалятся от душ ваших и соберемся все мы в Царствии Небесном».

стр 116

Высказав сей завет настоятелю и братьям своим, преклонил колена и стал молиться о мире им, и о спасении их душ молил Господа. Затем встал, обнял каждого с отчей милостью и двух из той братии забрал с собой. И ушел из земли своей и от родни своей, как некогда Патриарх Аврахам. С большой торопливостью удалился отсель, дабы не стал известным уход его,

и ступил на путь, ведущий в Константинополь и затем, спустя немного дней, достиг царствующей царицы городов и молился в расположенных в нем святых церквах, почему и оставался он там немного дней. Ибо вышел оттуда и явился на гору Олимп и нашел на ней некую малую церквушку, которая находилась на расстоянии трех миль от одной большой и многолюдной лавры, вошел в нее со учениками своими. Был конец Масличной Седмицы, а в Страстную субботу пришел некий брат из лавры для возжигания лампад в церквушке и увидел их, так как они молились и не имели при себе никакого пропитания. Пошел оный брат и принес им немного сухарей и бобов, размягченных водою.

Затем, уже в следующую субботу, когда совершается поминание Феодора, добропамятного одного мученика, явился тот же брат и нашел количество тех сухарей нетронутым, ибо одними лишь размягченными бобами питались они в Седмицу. И Седмицу провели в полном посте, потому как это заведено по чину и у прочих подвижников. Вопросал оный брат их, чего бы они желали, что бы предложить им, а они же просили хлеба жертвенного и церковного вина и ничего прочего. Не поленился сей брат, но (с наступлением) рассвета исполнил их желание, а святой Иларион принес сию бескровную сокровенную жертву, принял сам и бывшим с ним дал сие вечное и животворное Небесное пропитание.

Понравилась сему брату из Лавры добродетель сих божественных людей, отправился в монастырь и поведал о них настоятелю. Он же, слыша это, тут же преисполнился гнева и жестокости и изрек следующее: «Как они вообще дерзнули священствовать в той церквушке, люди чуждые и невежест-

венные в эллинском языке?» Срочно приказал икономосу со всей поспешностью изгнать их с презрением из церкви и с позором и гневом удалить их подальше от Лавры.

Отправился икономос с другими же монахами, (чтобы) выдворить сих возлюбленных Христа. Говорил им святой Иларион тихим голосом, ибо немного знал греческий а именно: «Отче, позвольте нам лишь эту ночь остаться здесь а с рассветом же мы (и сами) уйдем отсюда и да сопутствует нам Бог, как то будет Ему угодно». Посочувствовал икономос их странничеству и не стал понуждать их уходить из этого места вечером, но договорился с ними, что в день завтрашний удалятся отсюда.

Но в ту же ночь настоятелю привиделось во сне видение такое, будто над ним стали два неких страшилища и поволокли его против воли и заволокли в какой-то храм. большой и благолепный, в котором во славе восседала святая Царица Богородица, и представ перед Нею, она во гневе говорила ему: Пошто ты, несчастный, великого того подвижника Илариона и бывших при нем неуважительно прогнал, и как же ты столь бесстыдно запаматовал заповедь Сына и Владыки Моего, с какой любовью он ублажал чужестранников и как сетовал над немилостивыми и жестокосердными яко Сам подъемлет на сих свершения же Свои, он об этом вечно вопиет, однако, чего постиг ты из его ровного говора и мнишь что один лишь язык эллинов милован? Или не ведомо тебе что каждый из родов, богобоязненный и следующий заповедям Творца угоден Ему? Не ведомо тебе, сколь много из народов стали угодны Господу. Как это ты сделал себя чуждым молитвам Друга Моего и благословения Его? Ибо кто не приветит их, тот есть враг Мне».

Проснувшись, настоятель пришел в ужас от всего этого поэтому поднялся он в скорой спешке и пришел к месту нахождения святого и со слезами горячими припал к ногам его и просил прощения о прежней к нему дерзости и немилосердии, и избавления от безумных мыслей, молил впредь оставаться

стр 118

в той церквушке, дабы не навлечь на него гнева Божьего и всесвятой Богородицы. Поднял его Божий человек и дал ему прощение, велел не заботиться о прошлой его вине и по просьбе его обещал остаться тут. Настоятель затем молился о нем, (говорил), что поднесут ему постель и ложе из монастыря и хлеба и все необходимое для плоти. Сказал ему великий Иларион, а именно: «Не заботься об этом, но лишь по воскресениям вели принести малость хлеба и церковного вина, и этого нам довольно для пропитания души и тела».

Так, отправив его с миром, обновленного словами блаженного, сам вновь предался молитвам и созерцанию Горнего и Всевышнего Разума.

Отныне и впредь каждое Воскресение подносил ему просфору и церковного вина племянник настоятеля, который был возрастом отрок, а правая его сторона была засохшей от рождения, руки и плечи его подвергались болям, и глаза, а также уши у него были болезненны. И в день один, идя к оному Божьему человеку, споткнул он о камень сохлую ногу свою и стало ему весьма больно и несчастный упал и так с плачем явился к святому в церквушку.

Вопросил его отец милостивый о причине слез, а отрок показал ему раны свои. И принес масло из светильника и обмазал его больные члены и

осенил на них чудо Креста и тут же явил того юношу здоровым и все члены его стали выглядеть здоровыми и совершенными, так что на прежних его ранах и не осталось какой-либо опухоли. И предупредил его, чтобы никому не говорил о совершившемся с ним чуде, и отправил с миром.

Настоятель, увидя столь скоро происшедшее превращение своего племянника, стал выпытывать о той бесценной силе излечения, а тот не скрыл и поведал о врачевателе своем и раскрыл все знаки исцеления своего. А монахи той Лавры, видя это, изумились и стали почитать божественного Илариона, наряду со святыми Первосвященниками. И не только

стр 119

одни лавринцы, но и все подвижники Олимпа неустанно приходили к нему, ибо наслышаны были о чудесных подвигах его, ибо трудно скрыть город, возведенный на вершине горы, хотя он и был скор к ним, но не почитал себя достойным добролюдия их душ. Почему и пришли к нему три брата, грузины, и отказались уйти от него, но возлюбили пребывание при нем, а один из них был хорошо научен в языке эллинском, поэтому для пользы душ прибывавших к нему еще прежде научал словом Истины сей святой отец.

Потому как праведная душа его стремилась исторгнуть корни всякого зла и научал он всякого проходящего к нему жизни ангельской и подвижничеству и толковал им открыто о лукавстве и кознях злых душ, и сколько вражды имеется у них ко всем христианам, особенно тем, которые далеки от мира.

Слава о благости его достигла самого царства. И приходили к нему многие, и те, которые являлись к нему преисполнялись пользы и славили

Господа, ибо видели человека Божьего на земле. Многие носили ему обильные подношения, но ничего от них он не принимал и говорил им со смиренной прямою, а именно: «Святая царица Богородица ходатайствует за нас перед сыном Ее и Богом и преисполняет нас добра, а другого нам и не надобно. Все это, братия, поделим нищим, дабы вам обрести сокровища на Небесах». Ввиду подобного наставления прибывающим к нему — многих подвигнул он к подражанию превысоким его подвигам и полноте бедности, и они оставили всё и сделались монахами и славили Бога.

Никогда не утихал сей блаженный в трудах, не считая часа молитвы, делал ли схиму, либо сплетал финиковые листья, чему он научился в Иерусалиме, делал всё сам и никому он ничего не поручал и не глядел на чужие руки, но стремился удостоиться Божией милости и трудился он паче для споспешения неимущим и горемычным.

стр 120

Приходили к нему еще многие, одни для пользы души, другие для врачевания плоти. А он же, глядя на то, что не оставляли его в покое, но приходили и тревожили, а некоторые славили Бога, оробел, что впадет в вину из-за незаслуженного восхваления, хотя он действительно был достоин всякой почести. И решил вновь отдать себя чужбине. И когда приблизилось Вознесение Древа Животворящего, говорил он братьям тем, которые были при нем, а именно: «Желательно мне войти в дивный и всехвальный царственный град и созерцать почестный Крест, на котором Владыка наш простер руки за нас, и меня влечет к Нему. Вы же сидите в келье сей, огражденные благодатью Христовой и поминайте меня в ваших молитвах». Так говорил он братии своей и приветствовал их и вышел оттуда и достиг

Константинополя, а на горе Олимп он провел пять лет, и поклонившись Древу Животворящему, стал на путь оный, ведущий в столицу — Рим.

И когда пришел в Фессалоники, был привечен неким нищим, которому была поручена охрана виноградника. А был он хром на обе ноги. Говорил ему святой Иларион: «Встань, брат, и поднеси мне гроздь винограда из виноградника». Ответствовал ему сей немощный и говорил: «Входи, отче, и бери гроздь, сколько тебе угодно будет, ибо, как видишь, меня гнетет жестокий недуг, который тому назад тринадцать лет высушил мне ноги и сделал их мне вовсе негодными для ходьбы, из-за чего владелец этого виноградника смилостивился надо мною, ввиду такого испытания, и приветил меня и оказывает он мне необходимую поддержку в (моем) телесном недуге, и теперь каждый день сижу здесь и охраняю урожай от птиц, покуда не придет владелец сего виноградника и не заберет меня отсюда».

А сей Божий человек с апостольской благодатью говорил тому человеку, словно восседал он у врат благолепного храма, а именно: «Именем Иисуса Христа восстань и войди в виноградник и спешно принеси мне гроздь винограда». Сказал

стр 121

это и чудо Креста изобразил на том человеке. И се! — милость Твоя, Христос, ибо слово и дело свершились одновременно: долгое время лежачего того тут же исцелил. И человек тот быстро и стремительно в страхе и радости бегал по винограднику и принес добрый виноград. Но прежде чем пришел сей человек, святой покинул то место, и когда тот явился и не обнаружил, коего искал, стремительно вошел в город, держа в руках гроздь и горячо разыскивая одного бескорыстного врачевателя. Горожан же

охватило удивление, что он, незадолго до этого, будучи лежачим, столь твердо и хорошо ступал, и спрашивали его о причинах его внезапной перемены. Он же поведал о всем образе и повадках его врачевателя, и пошел этот человек вприпрыжку по всему городу и разыскивал его. Но оный блаженный избегал славы людской, почему и вышел быстро из города и впору стал на предстоящий путь.

Достигнув великого города римлян, со многими желаниями посетил раки главенствующих апостолов Петра и Павла, провел там два года времени и затем вновь отправился в Константинополь. И придя опять в Фессалоники, случилось, что он сел у врат некоего человека, знатного и блистательного богатством, который был в сане первого начальника того города, и был у него сын, одержимый бесом, правая часть тела его была совершенно отсохшей и совершенно неподвижной и которого некая служанка вынесла именно в то время из дома и уложила его близ того места, на котором сидел (Иларион). Увидя отрока, томимого таким испытанием, сжалилась душа его милосердная, и говорил он служанке той: «Поднеси мне, старцу, воды попить». Она же не поленилась, но отрока того оставила на солнце греться, а сама вошла в дом, чтобы принести воды. А до ее возвращения святой молился о том отроке и изобразил на нем чудо Креста, но не просил сей блаженный ни долгого времени, ни замедленных и протяжных молитв, однако во мгновение вывел его совершенно здоровым и невредимым и говорил ему: «Встань, отрок, спешно ступай к матери твоей, ибо так положено тебе».

стр 122

И пошел отрок радостный и изумленный, который не нес никакого признака прежней немощи. А когда же вошел в двери дома, оный святой

спешно и бегом удалился с того места. А служанку, что держала в руках воду, отрок встретил во дворе, ибо шел он бегом, потому что охватили его страх и изумление, но она расспросила его обо всем и запомнила причины исцеления, и понесла воду сему святому и, не встретив его, вернулась стремглав к своей госпоже и подвела к ней исцеленного сына ее и поведала о дивном образе его исцеления.

А она тут же рассказала мужу своему, и он, услышав об этом, стал расспрашивать о внешности и одеянии святого и, запомнив все, резко встал и пошел на его розыски, и спешно послал слуг своих и велел замкнуть все городские ворота, чтобы не смог тот сбежать. И нашли то великое светило у верхних восточных ворот, которые именуются «(вратами) апостолов», и припали к стопам его и говорили ему, а именно: «Призывает тебя, отче, наш мтавар и умоляет, дабы ты не лишал его своей доли молитв и благословения твоего».

Вынужденый теми людьми, он пошел обратно, дабы открыть владельцу Божественную Тайну. Узнав о приходе святого, мтавар встретил его с супругою и сыном, и пали к ногам его и молили о благословении, он же помолился за них, благословил их и поднял и сел рядом с ними, наставлял их духовными поучениями, ведущими к жизни и исцелил (недуг) души родителей, больший, нежели недуг телесный их сына, почему и пали ниц и молили душу сего святого обойти город их и найти где-либо удобное ему место и поселиться в нем, чтобы вечно иметь им его врачевателем ран их душевных и плотяных. После долгой мольбы мтавара и его супруги и прочих его людей снизошел к покорности и послушанию сей отец и обошел город и обнаружил церквушку малую и остался в ней безмятежно, в которой прежде

него жил монах (некий), но был он проставлен; он восхотел ее, о чем и уведомил мтавара и говорил ему, чтобы дозволили ему остаться

стр 123

в ней с миром и безмятежно, а именно: «Не позволяй ничего приносить мне, oprичь черствого хлеба и размягченного ячменя». И так поселился он в церквушке той. Однако, как поведать мне о пыле исполненных там подвигов святого, приведших в изумление всех, кто видел и кто слышал (об этом)? Очень многие фессалоникийцы, видя высокое его подвижничество и слыша слова его благодатные, презрели сей мир и все, что есть в этом мире. И весь город взирал на него, как на отца и многие из них возлюбили жизнь монашескую и из рук оногo святого облачились в ангельский образ.

Был некий добрый диакон в церкви святого Димитрия Победителя, он обрел жизнь беспорочную и добродетельную, и был сведущ о святой его благодати. Сей (диакон) вышел однажды присмотреть для себя (загородное) поместье, что было вдали от города и когда вернулся обратно, нежданно на него напало скифское воинство и полонили его и наложили на него узы тяжкие и вели его безлошадно и насильно уводили его в их страну. Так злостно мучали его (в течение) двух дней, ибо не только заставляли ходить лишь пешком, но и груз на него навьючили. Когда же наступала ночь, избавившись от тяжести груза, его не освобождали от тяжких уз, чтобы вовсе не дать ему отдохновения.

И на третью ночь приступил сей диакон к поминанию святого Илариона и святости его, молился ко Господу и сказал: «Владыко Иисусе Христе, молитвами раба Твоего Илариона избави от постигшего меня испытания». И так, помолившись, отягчил его гон, и се! — узрел святого оногo, он взывал и

говорил ему: «Встань спешно и иди ко мне, ибо нет никакого препятствия, противостоящего тебе».

После этих слов пробудился диакон и узрел, что узы с рук и ног его спали, а нечестивые те язычники были охвачены сном, и встал он и пошел отселе между теми скифскими всадниками и ни один из них не учуял, как он незамедлительно приступил к своему пути со страхом и радостью.

стр 124

Когда же он вошел в свой дом, то всем поведал о свершившемся с ним чуде и открыто воздавал хвалу Божьему святому. И те, которые слушали его, славили Господа, Который восхищает славящих Его.

Такова суть жизни сего Божиего человека и такова суть творений и подвигов его, которые свершал на земле сей блаженный.

А после трех лет пребывания в Фессалониках, он, чуя приближенье преставленья своего ко Господу и за сорок дней до скончания своего осознав это, призвал того мтавара и говорил ему: «Господь отпустил тебе, сын мой, цену за твою любовь к чужестранцам, посему не счел ты недостойным привечание меня, грешного и ничтожного, со всяческой уважительной почестью и сердоболием. Да воздается тебе взамен преходящего — вечность, да взамен малого — великое, да взамен истребления и потерь — вечность, доброта, нетленное и неистребимое. Ныне, сын мой, потому как время преставленья моего стало близко, я завещаю тебе молитвы и благословения и заповедываю тебе поступать (и впредь) так со всеми чужими, но паче всего — с монахами. И будут врата твои открыты для всех молящихся и немощных, чтобы и самому тебе обрести оные врата открытыми, принимающими тебя в рай. Ибо услышь

Писание, которое говорит, а именно: «Приговор выносите правый, спасайте нищих, отвергнутых, униженных и падших не осуждайте», на тебе же лежит затем и их погребение, соблюдение всего этого. Еще скажу тебе, о, мтавар, отвергни мзду, которая ослепляет око души, отвергни недобрые помыслы сердца, для которых пылает огонь вечный, не похищай чужой доли, довольствуйся собственным достоянием, ибо избыток приводит ко злу. Не стесняй себя призывать тех и выдавать содержание тем, кто охвачены горем и заточены в темницы. И отторгни сполна страсть к прибыли, ибо то — дело нечестивое и губитель души. Паче щедро раздавай нищим безгрешно и праведно накопленное состояние, дабы снизошло Божие благословенье

стр 125

на дом твой здесь, и после страшного явления Христа был ты достойным стать одесную Его и слышать глас благословенья, и благополучие Божие, что превосходит всякий разум, защитит тебя, сын мой». Сказал это и отпустил мтавара в печали и с тягостной душою.

Сам же он вошел в свою келию и исполнял молитвы и направлял взоры разума своего ко Господу. В самый день преставленья его, это была суббота, призвал тех, которые руками сего святого были облачены в монашеский образ и сопричеслены к сонму подвижников, и научал их многому о духовной жизни и наставлял их на борьбу со страстями и как подобает им противостоять и оборонять душу, и до прорастания и обрастания в сердце корней по обычаю положено изринуть и отбросить прочь злые сажены лукавства, паче семени онога халдейства дабы сподобиться блаженства Пророка, ибо желает он тех, младенцев вавилонских, которых сокрушили о скалу, что суть страдания, так как они были маденцами, легко можно было их искоренить. Затем святой снова наставлял их в свойствах, ему угодных, и

продолжил слово о том, каково должно быть и их устройство и взаимное товарищество и как зависимы они один от другого и тверды, подобно некоей цепи золотой, и для которых изначальное основание суть смирение, и восхитятся в дивную высь и будут исполнены любви, без коей невозможно свершение ни одного доброго дела, ибо смирению свойственно восхищение в высь благодатную тех, которые стремятся к ней, а любовь овладевает победно восхищенным ею и устрояет в добре.

Когда же в такой благодатной беседе прошло достаточное время, повелел одному из братии, который был в чине священства, принести бескровную жертву. Принес, и причастившись нетленным Христовым Таинствам, приветствовал братию ту и каждому повелел идти в свою келью.

Затем малость занедужил и спустя три дня благополучно почил в Бозе и взошел старец в вожделенное грядущее блаженство,

стр 126

преисполненный благих дней в число девятнадцатое месяца ноября, в царствование над греками Василия, который был наречен Македонцем и который богоугодно правил престолом одного царства.

А весть о скончании того святого стремительно разнеслась среди всех в городе, почему и стеклось к нему великое множество священников и монахов, мирян и воинов, и не только эти, но и сам первосвященник города совместно со священниками своими и сам начальник пришел к священному праху святого, чтобы справить над ним установленный чин. И с подобающим отпеванием схоронили тело одного подвижника и впоследствии многие недужные и бесноватые исцелялись в ту пору, потому что выкликивали бесы имя святого и выходили прочь с воплями и стенаниями, оттого все и были в

изумлении от сего славного дела его творения и множества чудес, за что славили и величали Бога.

А божественные мощи святого Илариона божественно насмирнили и с честью схоронили в каменной раке и поставили в той же церкви, которая была местопребыванием его во славу и хвалу Бога нашего Христа.

А по скончании его Владыка совершил множество исцелений на гробнице его, как о том громогласно вопиют, и сам город сей — великие Фессалоники — с блеском повествует о чудесах, свершенных здесь святым, одно из коих и есть сын начальника того, который приветил его и после сорока дней преставления одного святого (сын) занедужил водянкой и тяжело захворал. А недуг его столь ожесточился, что отчаялись все искусные лекари, но отец его велел взять его как ношу, на могилу святого, в которой лежал прах божественного Илариона, чтобы возложить его там. С ним отправился и отец его и со многими слезами молил чудесного священника о милости, и печальный вновь обратился в дом свой.

И в ту ночь узрел тот юноша, как предстал ему божественный человек Иларион и говорил ему так: «Прокопий, —

стр 127

ибо так звали его, — ежели не оставишь меня довольным тобою, и если ты будешь действовать на погибель души твоей, не сподобишься ты исцеления». И тот обещал, что никогда не проявит прежнего бесчиния и обещание это скрепил клятвою, а святой просунул руку свою ему в живот и трижды изобразил на нем святое знамение Креста и сказал ему: «И се! — будь здоров и не греши, дабы не случилось с тобою худшее по речению Владыки». Сказав это, он отошел от него. О, диво славного дела, и всего-то у

него не было и толики надежды на жизнь и уже походил на покойника и был близок к последнему вздоху, а с этими словами святого тут же исцелился, так что в нем от язв не осталось и следов. Его же еще вчера (словно) мертвеца, привезли, как ношу, а сегодня он радостный и невредимый, (на собственных) ногах вприпрыжку пошел к своим родителям. И стали дивиться все, кто видел и слышал об изумительном этом чуде и славилы Бога, Который творит славные чудеса, высокие и недостижимые, коим несть числа, и это свершалось не только на могиле одного святого, но и на прочих многих местах, нареченных именем святого, ибо братья его, что были при нем, отдали траурный плат, в который было облачено тело блаженного святого, некоей женщине, убогой и нищей. Она же приняла его и зарыла у себя, многие клали на него хворых и немощных и тут же исцелялись, покуда сия убогая и нищая и весьма расторопная не разбогатела милостью и благословением святого, и сбросила с себя прежнюю убогость и зажила во все дни жизни своей в достатке, но паче милосердно поддерживала она прочих убогих и немощных.

Затем, с течением дней, слухи о подобных чудесах наполнили всех, покуда не достигли слуха христоролюбивого царя Василия, потому как антипат и архиепископ написали царю обо всем, и открыто уведомили его о том, какое светило явил Бог в дни его. Услышав об этом, царь весьма удивился и славил Бога. А в день один созвал царь большое пиршество и позвал всех настоятелей монастырей и всех горских архимандритов

стр 128

и устроил им блестящую трапезу и ликовал с ними и стал выпрашивать их, как это в правилах царских. И На трапезе сей царь поведал им об описанном ему из Фессалоники деле, затем по Промыслу Божиему

присутствовал и архимандрит Лавры на Олимпе, племянника коего некогда исцелил святой Иларион. Набрался он смелости, встал и обо всем подробно рассказал царю, какие (Иларион) свершил подвиги изначально.

Царь спрашивал, остался ли нынче кто-либо из учеников (Илариона) и понял, что из учеников его все еще есть до трех преклонных, честных и в добродетелях его обстоятельно наученых, чему царь возрадовался и распорядился спешно привести их с Олимпа. Когда же сии честные люди пришли, приветил их царь, словно ангелов Божьих и весьма уважил их сединам и устроил их великое подвижничество и было много пользы ему от добродетелей их, и благословил их на строительство монастыря в оном граде царственном, чтобы иметь его близ своего Дворца. Они же говорили царю, а именно: «Невозможно нам это — быть между жителями и владеть чужим монастырем, но ежели желаешь, царь, гделибо близ града царственного, в местности пустынной и недоступной, выдели нам небольшое место пребывания, чтобы нам там поселиться и молиться за ваше самодержавие». (Царь) тут же взял с собой некоего протоспафария и велел ему обойти и найти место, где будет угодно. Они же вышли и стали искать и нашли какую-то речку, которую называли Романа, на возвышенном месте, именуемом Состен, и нашли в нем добрый источник и вернулись и поведали царю, и се! — сам христоробивый царь спешно вошел в то место и тот час же изобразил церковь во имя святых апостолов, ибо собственными руками царь заложил камень ее основания и завершил дело ее возведения в семь месяцев. А оный антипат, находившийся в Фессалониках, был отстранен от власти своей и пришел в царственный (город). Царь его призвал и вновь восстановил в прежнем чине и отправил

в Фессалоники и уведомил его распорядиться и спешно прислать мощи святого Илариона. Пришел сей начальник и объявил всем фессалоникийцам и возбудил у всех рыдания и плач, а именно: «Мы будем лишены сокровища великого», — громко возопили они, а люд даже противостоять помышлял, но антипат много молился о них и молил их утихомирить свое возмущение и говорил, что нельзя противостоять царскому волеизъявлению, и с трудом удалось их успокоить. И приготовили раку малую, и ночью вывел мощи святого Илариона и уложил в малую раку с благолепием и, наполнив приятными благовониями, представил царю. И приветил царь сии мощи блаженного со многими почестями и душевным усердием и в ту же ночь поставил их в своей опочивальне. Но около полуночи проснулся царь и вдохнул какое-то странное благовоние, о чем уверенно говорил, что никогда не приходилось ему обонять такого благовония, и удивленно искал, что это такое и расспрашивал предстоявших, есть ли что-либо такое во дворце? И когда ничего подобного не обнаружили, понял царь, что сие дивное благовоние исходит из оных нечестных мощей святого. И не только царь, но и все проживавшие в городе вдыхали странное то благовоние и славили Бога и чествовали возлюбленного Богом блаженного отца Илариона. Волеизъявил царь поставить сии божественные мощи святого в царском Дворце. Однако в видении предстал ему сей праведный, благодарил его и говорил, а именно: «Привечено Богом усердие твое и честь, оказанная нам, известна Господу. Но пребывание мое во дворце, как это ты решил, не благоугодно, но вели отвести меня во вновь возведенный тобой монастырь».

И едва (наступил) рассвет, царь и патриарх сели на царский корабль совместно с начальниками и главарями города и взяли с собой мощи одного божественного человека со свечами и кадилами и, воспевши псалмы,

вступили в храм имени Михаила, главы всех бесплотных, который возведен в

стр 130

местности Состенской. Вышли оттуда с большим воспеванием и во блеске облаченные вступили в ложбину Романскую. И совершил царь празднество славное и сотворил ночные бдения со множеством восхвалений и воспеваниями с благовониями и кадилами многоценными и завершил освящение церкви с благочестием и освятил алтарь руками патриарха и отдал царь некоторую частицу от мощей святых апостолов и повелел поставить их под алтарем. В месяц ноября 9 (числа) после освящения сей церкви царь принес ту пречестную раку, в коей лежали священные мощи блаженного Илариона, со многими лампадами и псалмопениями с величайшим благочестием поставил надежно, ибо своим царским рукам вверил он нести её (раку), а двум своим сыновьям, Леону и Александру, велел держать раку с обоих боков и со столь многими почестями схоронил его и постановил развесить три кадила над ракой, чтобы горели они вечно. Велел также развесить шесть кадил перед алтарем и всех их упредил, чтобы горели они непрестанно, для чего распорядился выдавать им ежемесячно из Дворца двенадцать драхканов на свечи и в дар два хлеба ежедневно, дабы святая эта жертва приносилась вечно для отпущения его грехов.

И установил (также) монахам того монастыря две литры золота для (приобретения) чохи[18] и чтобы было выдаваемо им это именно (ежегодно) в день освящения церкви, а леса вокруг монастыря и подворья в царственном граде отдал им для содержания. А также чащи да потиры честные, достойные его царствования, собственными руками поставил на

алтарь. Исполнив столь блистательно освящение и обновление церкви и установив оные почестные мощи святого Илариона, царь и два его сына вместе с патриархом вновь вернулись во Дворец. А Бог, Который столь благ и милостив, с тех пор и до днесь щедро и неустанно отпускает источнику (силы) исцеляющие и речке чудодействующей — всякие знаменья и

стр 131

чудеса для тех, кто с верою приходит к святой усыпальнице костей его. Затем некий Евтимос отшельник и благодатью весьма славный, написал царю так: «Возрадуйся, о, царь, ибо обрел ты ныне великую милость; как мне, недостойному, стало известно с уверенностью от божественного явления, ибо созерцал я в видении ночном пещь огненную страшную и страшно пылающую в местности темной и глубокой и которая с жестокостью своей выпускала в высь в воздух жестокое пламя горнила, а из огня того исходили стоны и голос злой и чуть ни разверзлась земля, отчего я содрогнулся весьма и сказал: «Горе мне, горе мне, какому несчастному и ничтожному уготовано это?» И вот пришел и подошел ко мне некий юноша прекрасный, облаченный в белое одеяние и страшный видом и сказал мне, а именно: «Царь Василий разжег это за грехи свои». Когда же я услышал это, больно изранилась душа моя, и наполнившись горючих слез, горько рыдал я, а он говорил мне: «Не печалься, ибо царь обрел благодать, великого споспешителя и ходатая за душу, он погасит это горящее пламя. Это и есть Иларион Грузин, которого немного дней тому назад вывел из Фессалоник и установил в храме святых апостолов, во вновь построенном им монастыре. Затем ты скоро утетишься и узришь, как погаснет горнило это и пламя его будет погашено». И се! — в это же время пришел некий старец, облаченный в священническое одеяние, а в руках своих он держал какой-то большой

сосуд, полный воды, которую он пролил на печь и мгновенно погасил сей огонь и обильно пылающее то горнило потушил ею со всей смелостью, а на месте того огня осталось каких-то головешек немного.

Затем обратился ко мне и сказал: «Гляди, как погасла сия печь, страшная и ужасающая, молитвами и ходатайством божьего человека Илариона. Теперь же от Василия зависит погасит ли он те головешки окончательно или даст печи вновь разгореться».

стр 132

Отныне же, о, христоробивый царь, веселись и возрадуйся о милости Господней, о содеянном над тобой и молитвами одного блаженного человека торопись в благодеяниях, торопись сполна погасить и развеять оставшиеся те немногие головешки.

А гашение их произойдет от добродеяний и помощи нуждающимся, и в милости к нам, рабам, святости плоти и слезными мольбами ко Господу и рядом прочих благодеяний, и прибавит Господь самодержавию вашему обретением в нем великого добра». Получив эту эпистолу, царь преисполнился великой радости и многих милостей и стал непрестанно посещать монастырь святого Илариона и с привеликим желанием любызал он раку со святыми мощами его и именовал сего святого ходатаем и посредником за него и его детей.

И построил в том святом монастыре монашескую келью и поставил в ней ложе и постель и положил в том монастыре святое Благовествование и книги апостолов. С того времени, взойдя сюда, проводил здесь два или три дня. Так горячо и желанно был расположен сей христоробивый царь ко Господу, с любовью к вере и святым. Так вот, это и суть житие отца нашего святого

Илариона. Это суть подвиги сего возлюбленного человека и отвага мужества его и служения, которые явил он на земле, который стал почитаем и восхваляем в славе по повелению царя Василия монахом Василием, который весьма знаменит и блестящ мудростью. Но отступают всякие (людские) слова восхвалений о благоволениях святого, ибо слава их суть от Самого Бога, Кому надлежит всякая слава, честь и поклонение и ныне и присно и во веки беспредельных веков, аминь.

стр 133

Как письменный источник «Житие Илариона Грузина» свидетельствует об окончательном этапе переориентации грузинской общественности от «восточного христианства» на прозападный византийский мир. Данный процесс, начавшийся еще на раннем этапе истории христианского вероисповедания в Грузии, прошел сложный путь через борьбу с различными тенденциями христологии в странах Закавказского региона. Переориентация, однако, не могла быть абсолютной. Христианское вероисповедание Грузии было маргинализировано христианством восточного толка, что отразилось и на биографии Илариона и, естественно, на взглядах авторов различных взаимозависимых редакций его жития. Переориентация была «плавной» и обуславливалась преимущественно геополитическим положением Грузии, а также немало зависела от соседства с монофизитской Арменией.

Этническая эволюция грузин была во многом детерминирована политическими условиями, как внешними — преимущественно агрессивными — факторами, так и внутренними. Закономерным итогом этого исторического процесса и стало окончательное внедрение Грузии в образовавшийся еще в раннем Средневековье византийский круг народов.

Данное обстоятельство, отразившееся далеко не в одном только «Житии Илариона Грузина», предопределило всю дальнейшую историческую судьбу грузинского народа и в этом своем развитии он преодолел и катастрофическое монгольское господство, и последствия еще более

стр 134

разорительных нашествий тамерлановских полчищ и падение самой Византии в середине XV в., для Грузии компенсированное образованием Московского государства.

Авторская атрибуция «Жития Илариона Грузина», имеющая не только академическое значение, не поддается точному определению. Если первоначальный несохранившийся текст, написанный на греческом языке, был составлен якобы сановным ромеем, то автор его первой (Афонской) переработки фактически остается неустановленным. И хотя приписывание его Евфимию Святогорцу (X в.) подкрепляется рядом аргументов, но противоречащие им данные могут иметь не меньшее значение для отрицания такой атрибуции. По нашему мнению, также не претендующему на абсолютный характер, житие Илариона могло принадлежать какому-нибудь другому представителю из окружения Евфимия Святогорца. Мы не имеем оснований считать, что грузинская литературная школа на Афоне состояла из одной только интеллектуальной элиты. Ее, несомненно, окружала значительная плеяда творческих деятелей с менее громкими именами.

Личность Илариона Грузина на Кавказе одна из тех, которые отразили духовные возможности народов этой части земного шара.

Слово на преставление святого Иоанна Богослова

1. Те, кто обращают к достойным похвалы речи, славно превозносят их достоинства; и для одних они описали заслуги умственного подвига, для других — деятельного, для иных — мужественного.

А тем, чья жизнь — целиком похвала, так что они одолели и само жало смерти, какое слово сможет воздать похвалу? Ведь как солнце превосходит все небесные явления, так и Богослов превосходит всех своими свершениями, почтенными рукою Божьей. Поэтому он и оказывается свободным от рабства смерти вплоть до второго пришествия Явившегося, благодаря чему и стоит выше слова похвалы. Нам же следует скорее сказать о его рождении от крови и плоти, если только возможно слову назвать плотским бестелесного, ибо рабство даже природе было неведомо ему, жившему во плоти и в плоти не нуждавшемуся. Однако, поскольку невозможно без крови войти человеку в мир, но необходимо привлечь для этого и родителей, то давайте и мы укажем для не знающих, кто породил самого наперсника Блаженного. Зеведей вместе с Саломией его родили, а Саломия, как говорят, была дочерью Иосифа Обручника. И если кто из людей проследит дальше эту связь, то обнаружит, что Иоанн Богослов является родственником Господа через Иосифа Обручника; впрочем, занявшись рыбной ловлей, благодаря ей становится совоспитанником строителю Христу.

Почерпнув, благодаря этому, обильно из источников дарований и став целиком вне плоти, он избег сетей страстных желаний и, причастившись божественному Духу, благодаря этому стяжал и сияние и, познав Божьей милостью высшее рождение, ясно возгремел: «В начале было Слово», явив, что равен Отцу Сын помимо рождения, откуда все творение не только

доныне, но и до скончания века, благодаря его благовестию, твердо придерживается Православия.

Но какое слово сможет описать море его добродетелей или устройство души, бесстрастность плоти и благоустроенность нрава? Благодаря же этому он и к Владычней безбоязненно припал груди и оттуда получит для себя весь дар премудрости, отчего и на горе Фавор стал зрителем Богоявления, никогда не отлучаясь от своего Учителя, так что был с Ним и у самого Креста, у которого и услышал от Христа всерадостное слово: «Вот мать твоя», — показывая на Богородицу, сказал это Господь, и с тех пор ведь взял он Ее к себе до Ее возвращения к Сыну. И, как повествует рассказ, общим сыном оказался Иоанн Богослов сразу для трех: по плоти — Саломии, по благодати — Девы, а по Духу Святому «сыном грома» был назван.

2. Его чудотворения, многочисленные и удивительные, ясно описаны в его хождениях — рассказывают же и о некоем странном и сверхъестественном чуде, а совершил его, по рассказам, апостол Иоанн Богослов, как это объявляют древние историографы в неких историях. А истории содержат рассказ о том, что один человек, будучи сильно притесняем неким заимодавцем и не имея отдать ничего из суммы долга, припал, как повествуют, к великому Иоанну Богослову, ища у самого Богослова спасения в отношении долга. Этот человек, подвергнувшийся несчастью, то есть взявший в долг, был крестьянин.

Ему блаженный Иоанн Богослов ответил: «Нисколько, о брат, из суммы долга не можешь принести?» А этот крестьянин, который взял в долг, ответил с большим стыдом блаженному Иоанну: «Нет у меня ничего на свете, святой Божий, кроме этого серпа, который я ношу у себя на поясе». И, сжалившись над ним, Богослов взял его за руку, привел его на луг и этому

крестьянину, который должен был отдать долг, приказал срезать пучок травы. Взяв эту траву, святой Иоанн Богослов, великий отец наш и учитель вселенной, долго благословлял траву и, посмотрев на небеса, попросил Владыку Бога превратить траву в золото. А Бог, исполняющий желание боящихся Его, сделал золотом траву — о страшное и удивительное чудо! — причем равным по весу долгу, который должен был отдать крестьянин, ни меньше, ни больше. Отдав это золото, святой Иоанн Богослов обратился к крестьянину, который просил его: «Радостно ступай к себе домой, о брат, найдя у Бога избавление от бед». Тогда этот крестьянин одновременно со словом святого преклонил голову и, поклонившись святому, отправился к себе домой, радуясь и славя Бога.

3. Но поскольку слово бессильно высказать величие его деяний, давайте преклоним наш взор к его преставлению и, послушав странную историю, поразимся чистоте ангелоравного отца, почему и каким образом он, бесплотный, в земле преставился в ее еще более чистое место; однако же и место его преставления нам уместно упомянуть. Святой Иоанн, отец наш, призвав избранных братьев, сказал:

«Немного пройдитесь со мной, взяв с собой для исполнения одного дела инструменты для копания земли». И когда они прошли некоторое расстояние по дороге, он, достигнув предуказанного ему места, повелел своим спутникам рыть землю. Они, принявшись за приказанное, прилежно стали копать землю. А когда размер углубления показался апостолу достаточным, он сказал братьям: «Ступайте, оставив меня здесь Господу». И затем, когда братья отошли подальше, как бы их учитель не увидел, что они стоят и смотрят, как он склонился к земле, по их свидетельству, они могли лишь видеть, как он лег в яму.

Подозревая, что он прилег, как обычно, поспать, братья оставили его ненадолго, а затем, вскоре поднявшись, братья достигают этой новой, приготовленной им могилы, и, пораженные этим, братья возвращаются домой, утешенные свыше. Ведь одновременно с тем, как святой Иоанн лег в приготовленную ими могилу, он, перенесенный незримо ангельскими руками, как Аввакум, в невещественную страну, преставился ко Господу согласно исполнению обещания Господа, так говорящего Петру: «Если хочу, чтобы он оставался, пока не приду и к тебе», ведь он ожидает и Грядущего судить живых и мертвых, все еще живой, и часто является достойным в различных обличиях.

4. Рассказав же перед всеми это, многое я опушу из-за объемности; хотя и хорошо известны многим явления святого Иоанна Богослова, однако, напомнив один очень известный и недавний рассказ, я поведаю его боголюбиво внимающим этому рассказу. Некто по имени Неофит, изначально и с юности подвизавшийся в чистой жизни, в миру ... по должности императорский отрок, по профессии угольщик (а это занятие давало ему возможность постоянно питаться императорскими яствами), во дни государя Романа, пробравшегося на царство при помощи деревянного коня, достиг ночью храма святого Иоанна Богослова в Диипие, когда совершался праздник апостола, и, дождавшись там конца третьей песни утреннего песнопения, пошел в честной Халкийский храм Спасителя и, произнеся там молитву, стал возвращаться вверх по дороге на форум. Встретился ему словно некий священнолепный человек и, неким образом поприветствовав его, говорит: «Радуйся, господин Неофит». А Неофит поприветствовал его в ответ: «Радость да даст тебе Господь». И Богослов говорит ему:

«Брат Неофит, что там у тебя на празднике Богослова?» Неофит ему отвечает: «Всё там очень блистательно, и, как я полагаю, возвещают сейчас четвертую песнь». Тогда снова спрашивает его Иоанн Богослов: «Совершенно так же и я, брат, оставив только что в Эфесе четвертую песнь, прибыл сюда, чтобы отпраздновать в этом храме».

Если кто-то зоркий придет в недоумение, думая, почему это должен внушать доверие говорящий, что Богослов тот, кто беседовал с Неофитом, то такому я скажу, что частые явления святых достойным, очевидно, приятны и полны радости, а нападения бесов ужасны и полны страха. Ведь говорил и заверял всех сам Неофит, что «Радовалась душа моя, когда говорил со мной явившийся, как никогда в течение моей жизни»

5. Но, о предстатель веры, учитель благочестия и всего поднебесного мира всесиятельнейшее светило Иоанн, основание Церкви и всех верных прибежище и твердыня, этими мудрыми учениями своими ниспровергай еретическое заблуждение, всех же нас соблюди в честной и православной вере, всех нас сохрани, всех нас укрепи, всех нас утверди, сохраняя народ свой, предстоя святой своей церкви, промышляя о стаде своем, заступаясь за этот город — твоего раба, во всем и всегда защищая и уча нас, от предков твоих недостойных рабов, чтобы благодаря тебе, от тебя и для тебя мы стяжали вечные блага и удостоились бесконечного Царствия Небесного, милостью, щедротами и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков, аминь.

Перевод А.Ю. Виноградова. Вестник ПСТГУ 1:14. 2005. С. 143–145.

Жизнь и деяния святого отца нашего Николая

(Текст переведен по изданию: G. Anrieh. Hagios Nikolaos. Der heilige Nikolaos in der griechischen Kirche, Bd. I, 1913)

Сколь ни мудра рука зографа в искусстве подражать жизни и сколь ни изощрена воспроизводить образы предметов, слово сравнительно с изображением много искуснее показывает то, что ему угодно, и делает это наглядным, в более сильной степени побуждая к подражанию, подстрекая души к ревности и наставляя таким же деяниям. Потому боголюбезная жизнь, отображаемая словом, многих может наставить к добродетели и внушить им ревность о том же. Житие божественного отца Николая, как едва ли какое другое, услаждает слух, радует душу и путеводит [292] к добродеянию. Нам должно по мере своих сил пересказать его и представить словом (хотя оно известно большинству и знакомо) лишь одного ради, чтобы привести на память и тем усладить души, стремящиеся к добродетели.

Отчизна этого великого и пречудного отца — славный некогда ликийский город Патара, родители — люди благородные, достаточные, но не богатые, чуждые мирской славы и роскоши, прекраснейший для будущего их сына пример нестяжательности, ибо заботились только о добродетели и всячески к ней стремились. Они, посаженные при потоках благочестия, вовремя приносят плод [19] — святого Николая, и затем чрево матери заключает родовые муки, так что она остается впредь бесплодной и бесчадной, словно сама природа признает, что невозможно женщине этой родить другое подобное чадо. Мать, родивши этого своего первого и последнего благородного отпрыска, дала, однако, вместе с мужем обильный плод духу (ибо они благословенны были подлинным благочадием), сокровищницу добродетелей, я разумею пречудного того Николая. Отпрыск таких родителей, святой Николай, бесплодием своей

матери явил свидетельство сродства с Крестителем, потому что тот рождением своим разрешил родильные муки матери, а этот навечно скончал. [20] Когда он был младенцем и лежал у материнской груди, Бог показал, каким будет Николай, достигнув разумного возраста. Ибо всю седмицу он, как младенец, сосал грудь, а по средам и пятницам вкушал молоко по разу в день, да и то лишь вечером, следуя еще до вступления в детский возраст святому правилу [21] и с [293] самого начала показывая склонность к воздержанию.

Так он рос, усваивая добрые нравы частично от родителей, а частично, как тучная земля, сам порождает их и возвращивал; когда же пришло время, его отдали учителю.

Вследствие своих природных дарований и остроты ума в краткое время Николай превзошел большинство наук; всяческую же суету презирал и сторонился недостойных сборищ и бесед, уклонялся вступать в разговор с женщинами и даже не смотрел на них, заботясь лишь об истинно разумном. Он простился с мирскими делами и все время проводил в домах Божиих, приуготовляя себя к тому, чтобы стать достойным домом Господним. Так как святой много потрудился для ведения Святого писания и разумения божественных догматов, был украшен множеством добрых качеств и неукоснительно соблюдал подобающую иереям неукоризненность жизни, а также и потому, что нрав у него и до того, как он стал стар, был спокойный и рассудительный, его хотят удостоить пресвитерского сана. Попечением дяди, заменявшего ему отца, тогдашний предстоятель церкви в Мирах рукополагает его во пресвитеры [22]; так, Богом дарованный родителям, по их молитве он возвращается Богу. А этот архиерей Мир, [23] удостоенный божественного духа, видя, что душа юноши цветет добродетелями, предрек

грядущее преизобилие у него благодати, сказав, что он будет благим утешителем печалющихся, добрым пастырем душ, подателем спасения тем, кто в опасности, и призовет заблудших на [294] нивы благочестия. Дальнейший рассказ покажет, что это в дальнейшем исполнилось.

Что сказать о том, сколь велика была его ревность о подвигах после рукоположения, как он предавался бдению, постам и молитве, стремясь наблюдать бестелесную жизнь в смертном теле? Многих это заставляло весьма дивиться на него. Когда же упомянутый дядя его — тоже Николай — увидел, что отрок стяжал столь великую добродетель, он поручает ему попечение о храме Божиим, который воздвиг во имя святого Сиона для основанного им монастыря, а в помощники дает тех, кого он знал как сподвижников его по добродетели, чтобы вместе с ним они несли эти заботы и прилежали в подобных трудах. Однажды пречудный этот Николай отправился в Палестину, чтобы поклониться животворящему Гробу Господню и спасительному Крестному дереву, а сподвижники его, заменяя Николая, столь ревностно пеклись о храме, как если бы он сам был тут. Но об этом позднее. Когда родители его скончали жизнь свою и он стал наследником их достояния, Николай выказал то, что полагается любящему сыну после смерти добрых родителей, — не стал тотчас подсчитывать наследство и нимало не заботился о том, чтобы преумножать его и сохранить. Ведь он давно был далек от всяческих мирских соблазнов и стремился последующими деяниями своими явить праведные основы жизни и все дальнейшие поступки свои привести в соответствие с этим началом. Поэтому, все поручив Богу, он сказал: «Укажи мне, Господь, путь, по которому мне идти, ибо к тебе возношу я душу мою» [24] — и: «Научи меня исполнять волю твою, [295] потому что ты Бог мой», [25] ибо «на тебя оставлен я от утробы; от чрева матери моей ты — Бог мой». [26] Он слышал

и такие слова божественного Давида: «Когда богатство умножается, не прилагайте к нему сердца», [27] а также слова Соломона: «Милость и истина да не оставляют тебя». [28] И Николай неустанно творил благодеяния, и рука его не уставала подавать просящим, и даяния текли обильным и мерным потоком. Но пора уже по отдельности рассказать о благодеяниях Николая, чтобы яснее представить преизобильную доброту его.

Некий муж, из славного став бесславленным и нищим из богатого, так как терпел нужду во всем, даже в самом насущном — увы, вот до чего может дойти нужда, — решил трех своих дочерей, отличавшихся чудной красотой, отдавать за мзду похоти желающих и на выручаемые деньги себе и детям своим доставлять пропитание. Ибо выдать их замуж он не мог, так как по крайней их бедности девушками сразу стали гнушаться. Вот в такой-то этот человек был беде, и такое ужасное дело замыслил, и уже принялся, жалкий, его устраивать. Но ты, Господи, благой источник всяческого блага, человеколюбиво призирающий на наши нужды, устрояешь так, что это доходит до ушей святого Николая, и посылаешь его как доброго ангела-заступника к тому мужу, вот-вот готовому взять грех на душу, дабы облегчить его бедность и спасти от зла еще горшей бедности.

Смотри, каковы сострадательность святого и ведение им сердца человеческого! Он не подошел к тому мужу и даже слова не сказал ему, не дал увидеть благодетельствующую руку, а таково [296] ведь обычно милосердие малодушных. Ибо знал, что подобное поведение огорчает людей, из богатства и славы впавших в бедность, смущает их души и будит воспоминание о прежнем благоденствии. Но, словно стремясь превзойти евангельскую заповедь о том, чтобы левой руке не доверять то, что свершаешь, [29] он даже самого благодетельствуемого не желал делать

свидетелем своего доброго дела. Столь далек он был от того, чтобы искать мирской славы, что старался утаить свои добрые дела тщательнее, чем другие свои злодеяния. И вот, взяв тяжелый узелок с золотом, он поздней ночью идет к дому бедняка и, вметнув узелок через окошко внутрь, тотчас поспешает домой, словно боясь, что его при этом увидят.

Встав поутру, тот человек нашел золото. Развязав узелок, он поразился и почел себя обманутым, так как опасался, что золото это не настоящее. Откуда же мог он его ждать, когда благодетель не пожелал, чтобы благодетельствуемый был свидетелем его поступка? Бедняк потер пальцем золото, внимательно разглядел и, убедившись, что это подлинно золото, радовался, дивился, недоумевал и от счастья плакал. Когда же по долгом размышлении не нашел никого, кому мог бы приписать случившееся, подумал, что это дар Божий и заплакал слезами благодарности. И, разумеется, прежде всего он поспешил исправить то, что послужило причиной его прегрешения перед Богом, и тотчас же выдал замуж старшую из своих дочерей, дав ей хорошее приданое — полученное им золото. Когда это стало известно пречудному Николаю и он узнал, что бедняк исполнил его волю [297] (ведь сам он как раз желал браком уничтожить причину зла), принял решение сделать то же и для второй дочери. Ночью, тайно ото всех, он вметнул через окошко такой же узелок с золотом. Утром человек тот встает и опять находит золото и, как в первый раз, удивляется. Он падает ниц, с горячими слезами говоря: «Господи, творящий милосердие, Спаситель мой, некогда вследствие послушания моего воплотившийся [30] и ныне исхитивший меня и моих дочерей из сетей диавола, открой мне исполняющего волю Твою, ангела среди людей, подражателя Твоей благости, покажи, кто избавил меня от тягот бедности и освободил от злых намерений. Ибо вот я по милости Твоей законному мужу отдаю свою вторую

дочь, не ставшую добычей дьявола и не принесшую мне прибýtка, злейшего, увы, урона». Так он сказал и, не медля, свершил брак второй дочери, уже воспрянув духом и питая добрые надежды, что и для третьей дочери найдется муж. Ибо он был спокоен, что за приданым ее дело не станет, заключая это, как естественно, из примера двух первых своих дочерей. А потому он был начеку и все ночи проводил без сна, опасаясь, как бы добрый податель богатства не пришел незамеченным, и решив, если он снова появится, обеими руками удержать его и спросить, кто он и откуда у него столько золота.

Так он бодрствовал в ожидании своего благодетеля. Глубокой ночью слуга Христов Николай неслышно приходит в третий раз и, дойдя до обычного места, снова через то же окошко мечет такой же узелок золота и тотчас удаляется. А отец дочерей, услышав стук упавшего на пол золота и поняв, что [298] пришел его благодетель, со всех ног бросился ему вслед. Догнав своего благодетеля и увидев, кто он — ибо по своей добродетели и знатности святой был всем известен, — бедняк падает к ногам Николая, называя его своим освободителем, заступником и спасителем душ на краю их гибели. «Если бы, — говорил он, — великий в милости своей Господь не послал мне твоих благодеяний, я бы, злосчастный отец, увы мне, давно погиб вместе с тремя дочерьми. Но через тебя Он ныне спас нас и избавил от страшного греха, «из праха поднимает бедного, из брения возвышает нищего»». [31] Так говорил он святому и со слезами радости и с горячей верой припал к его блаженным стопам. А Николай, поняв, что узнан этим человеком, поднял его и заклинал во всю жизнь не говорить о том, что произошло, чтобы сострадательность его сохранилась в тайне. Вот одно из деяний святого, самое славное и знаменитое. А о том, как каждодневно он подавал нуждающимся милостыню, насыщал нищих хлебом и питал их в

голод, и «души алчущие исполнял благами», [32] невозможно рассказать даже кратко. Когда Николай достиг совершенной добродетели и более приблизился к Богу, его охватывает любовь к молчанию, и он решает уйти от людей, так как иначе не может осуществить это свое желание. «Остановитесь и познайте», [33] как сказано. Потому он решил уйти далеко и, по словам пророка, «оставаться в пустыне». [34]

Как-то Николай задумал посетить Палестину, чтобы увидеть святые места, где пострадавший за нас Господь свершал свое земное житие. Взойдя на египетский корабль, он прибывает в Палестину, ища там любезного ему уединения и подвигнутый, [299] как я сказал, желанием побывать в святых местах. Но несколько отложим рассказ об этом, чтобы нам остановиться на самом плавании. Николай поплыл прямым путем в Египет. Моряки не подозревали о том, что им грозит, а он возвещает им бурю и сильный ветер. Ибо, по его словам, он видел, как диавол взошел на корабль и ножом разрезал канаты на мачте и на кормиле, обнял весь корабль и, закружив, хотел потопить в волнах вместе со всеми людьми. Едва святой смолк, словно по какому-то невидимому знаку, сильный вихрь с неба столбами вздымает морские воды. Не менее были взволнованы души всех, кто был на корабле, и люди, окружив Николая, молились Богу и просили святого защитить их, терпящих страшное бедствие и не видящих избавления от зла, и надеялись на его помощь, ибо слышали пророчество. Он ободрил их и обещал скорое избавление от бедствий. И действительно, все ужасы нежданно кончились — море успокоилось, и настала великая тишь, и люди, забыв о недавних слезах, стали веселы, благодарили Бога и его слугу, и дивились вещим словам и помощи Николая.

Когда буря утихла, один из моряков поднялся на верхушку средней реи, чтобы поправить какую-то снасть; он уже собирался спуститься вниз, как вдруг сорвался, упал на палубу и лежал бездыханным, подобно мертвому. А святой, готовый прийти на помощь своей молитвой еще прежде, чем его успели позвать, пробуждает пострадавшего к жизни скорее, чем пробуждают спящего, и невредимым передает мореходам. Когда моряки подняли все паруса и, совершив остальное плавание при легком [300] попутном ветре, уже причалили к берегу, Господь через святого Николая совершил множество исцелений: слепые тотчас узрели любезный свет, а кто страдал тяжелыми недугами, исцелялись от них; коротко сказать, не было ни одного страждущего или мучимого телесной болью, ни одного, обремененного печалью, кто, обратившись к Николаю, не был бы тотчас уврачеван и избавлен от своей печали. Так как исцеления были не только скорыми, но и не стоили больным денег, не мудрено догадаться, что более не оставалось страждущих, а потому понятно, сколько было исцеленных и сколько людей благодарили и славили Бога. Из тех мест святой направляется ко Гробу Господню и к честной Голгофе, [35] где нас ради вкопан спасительный Крест. Ночью подходит ко святому Крестному дереву, и сами собой перед ним распахиваются священные врата. Сотворив там горячую молитву и поклонение, он обретает еще большую духовную силу.

Довольно пробыв в Палестине, Николай снова морем возвращается на родину, ибо божественное видение повелело ему это, чтобы паства не была дольше лишена его сладчайшего гласа. Когда пречудный взошел на корабль, открылось злоумышление моряков, и все дивились силе божественного духа, присущей ему. Ведь он собирался плыть на родину и уговорился об этом со злодеями-корабельщиками, и с этим вступил на их корабль. А они, когда подняли якорь, вспомнили о своем доме. И вот, выйдя из гавани под

парусами, при попутном ветре они направились к своей земле. Но возмездие не медлило и шло по их следу: внезапно сильная буря сломала кормила и грозила самой **[301]** жизни корабельщиков, святого же доставила в гавань его родного города. Как же поступает сострадательный этот и великодушный Николай? Он не огорчился за них и не сказал им ни одного жестокого слова, но, видя, что моряки устыдились и от души каялись, поддался своей обычной мягкости и даровал им спокойное плавание, отослав в родную землю. Сам же он воротился в монастырь во имя святого Сиона, некогда дивно выстроенный, как я уже сказал, его дядей, был радостно встречен, исполнив всех живших в нем ликования и насытив преизобилием своей благодати. Смотрение Божие мудро устроит его жизнь, приготовив великому этому светочу достойную лампаду. Потому Бог вновь привел Николая, прилежно копящего божественный мед добродетели, в город. Стремясь к жизни, удаленной от людских глаз, он этим делает себя более заметным и достойным всяческой чести. Ибо добродетель не оставляет подвижника в тени: подобно тому как свет обнаруживает проходящих, плоды трудов его скоро обнаружили дерево. Но Бог, ведающий тайное сердца его, не мог долее скрывать ото всех своего раба и открывает его людям. Как это произошло, следует здесь рассказать. Так как в Мирах незадолго до этого предстоятель церкви оставил престол свой и жизнь и отошел к Богу, епископы и избранные мужи клира ревновали о том, чтобы вверить престол достойному. И вот, когда все они собрались, некто по внушению Божию и собственной своей мудрости подал совет решить все с помощью молитвы. Единодушие было полным, словно каждый и ранее держался этой мысли, и Бог, **[302]** исполняя желания боящихся его и услышав их мольбу, открывает одному из них того, кто станет во главе церкви. Этому мужу было божественное видение, побуждавшее его пойти и

встать перед входом в храм, и глас: «Кто первым войдет в храм, тот подвигнут духом моим. Его — имя тому мужу будет Николай — поставьте епископом, ибо он предызбран». Божественный тот муж, так получив откровение, возвестил об этом собору и клиру. После общей горячей молитвы муж, которому был открыт великий, направляется туда, куда призвал его божественный глас. Уже на рассвете и блаженный Николай, подвигнутый божественным духом, приходит в церковь. Когда он вступил в преддверие, удостоенный того видения муж берет его за руку и тотчас спрашивает: «Как тебя, дитя, звать?». Святой уважительно и просто отвечает: «Я грешный Николай, владыка, раб твоей святости». Божественный тот муж, услышав от великого эти смиренные слова, по тому, что его зовут Николаем (ведь имя это предрек божественный глас), и по выказанному им великому смиренномудрию, ибо помнил слова: «На кого призывает Господь, как не на смиренного и кроткого», [36] понял, что он тот самый, на кого указал Бог, тотчас исполнился радости, словно нашел утаенное сокровище, и, почтя встречу с Николаем счастьем, говорит ему: «Следуй за мной, дитя», и приводит к епископам. Те тотчас вспоминают сказанное им ранее, и душа их тоже исполняется божественным ликованием; ибо они считают, что и добродетель Николая согласуется со словом Божиим. Затем епископы немедля ведут святого во храм. Всюду [303] распространяется молва о чуде — ведь в подобных обстоятельствах она обычно стремительно летит на быстрых крыльях — и стекается несметная толпа народа. А епископы громким голосом говорят: «Примите, братья, своего пастыря, которого избрал нам Дух Святой и которому вверил путеводить и усовершенствовать наши души, кого поставила над нами не человеческая, а божественная воля. Вот мы обрели мужа, в ком имели нужду, нашли ныне, кого искали. Пасомые и благонаправляемые им, мы исполнены надежд, что усовершенствовавшись

предстанем пред Богом в день явления Его и откровения». К этому народ присоединил свою благодарность и обратил к Богу слова несказанного ликования. Святой собор епископов вместе с остальным клиром, совершив перед тем все необходимые обряды, рукополагает его архиереем, хотя Николаи не желал и медлил принять предстоятельство вследствие своей воистину достохвальной скромности; едва согласился править престолом Мир тот, кто неискаженным распространял слово истины, берег в чистоте святыя догматы и вразумлял им.

Но диавол посмотрел на это своим злобным оком. Он не мог стерпеть, что процветает благочестие, и, не медля, вселился во власть имущих и тотчас начал яростное гонение, и повсюду полетели императорские приказы, призывающие верных отречься благочестия. Всех, не желающих подчиняться, ожидали оковы, темницы, страшные пытки и, наконец, насильственная смерть. Вскоре зло это, взяв себе в помощники крылатых слуг, преданных поборников нечестия, достигло Мир. Божественного Николая, так как он славен был в Мирах как [304] ревнитель христианской веры и поборник благочестия, схватили первые люди Мир. Он был приговорен к оковам, дыбе и множеству других пыток, а затем вместе с многими христианами заключен в темницу. Там он пробыл довольно времени, не видя никакого просвета в своих бедах, но принимая тяготы заточения с таким достоинством, как другой человек вещи отрадные и желанные. Однако и в темнице он не переставал кропить свою паству влагой благочестия и питать веру ее, давая стопам этих людей прочное основание и делая их смелыми ратоборцами истины. Но после ненастья выходит нежданно солнце, и после порыва бури веет тихий ветер. И человеколюбивый мой Христос, взирая с Небес на народ Свой, сокрушает и губит все скипетры нечестия, диоклетианов, максимианов [37] и всех

последующих языческих императоров, и воздвигает Своему народу рог спасения, [38] и знамение звездного Креста призывает Константина, [39] сына Константа и Елены, и дарует ему ромейский скипетр. А он, премудрый, зная, кто его призвал, уверовал в Него, и низринул всех врагов, и ревностно защищал благочестие, и правил палинодию [40] тем, кто царствовал до него, повелев разрушить капища идолов и освободить узников, томящихся во имя Христово, восстановить христианские храмы и вернуть церквам их убор. Когда христианская вера подчинила себе всю Его державу, исповедники Христовы [41] возвратились восвояси. Миры встретили своего архиерея Николая как мученика, приявшего бескровный венец. Он же, одаренный всевозможными от Бога данными ему дарами, исцелял всякий недуг и прославился не только среди верных, но в скором [305] времени и среди многих неверных, и все выказывали неизреченное почтение к нему. Видя, что сохранилось еще немало языческих храмов, где обитают сонмы демонов, нежадно губящих жителей Мир, святой, горя божественной ревностью, мужественно восстает на них. И, обойдя весь город в поисках капищ, он уничтожил их до основания и обратил в пепел. Так святой прогнал толпы демонов и дал своей пастве вкусить ничем не смущаемого покоя.

Святого, воинствующего против злых духов, посещает некое вдохновение свыше, и божественный промысл велит ему не оставить нетронутым капища Артемиды, но обратиться против него и, подобно прочим, уничтожить. Капище это, чудное своей красотой и величиной превосходящее остальные, было любимым прибежищем демонов. Потому–то святого охватила великая ненависть к тому капищу, и он смело восстал и разрушил не только все, что возвышалось над землей, но и стер его до самого основания: части, находящиеся высоко над землей, он обрушил, те же, что располагались ниже или под землей, рассеял по воздуху. Злые

демоны дрогнули при приближении святого и, испуская вопль, бежали, жалуясь, что он их жестоко теснит и они принуждены покинуть свое убежище. Так святой сражался с демонами, и война эта с ними кончилась победой.

Но должно остановиться и на других его деяниях, чтобы не было предано забвению ничто, достойное упоминания. Когда Константин, первый благочестивый император, правил державой ромеев и великий его архиерей [42] наставлял народ православным догматам, с корнем вырывая все [306] враждебное и несогласное с ними, в Никее собирается все православное духовенство, [43] чтобы утвердить основы благочестивой веры, предать осуждению богохульную ересь Ария [44] и упрочить во всей церкви мир. Оно постановляет считать Сына равночестным Отцу и единосущным. Пречудный Николай тоже был на этом святом соборе и решительно восстал против ереси Ария. Опровергнув ее и определив для всех незыблемый канон православной веры, он покидает Никею и возвращается к своей пастве, путеводя всех к добродетели и поучая еще ревностнее прежнего.

Однажды в Ликии случился голод, и Миры тоже разделяли общую участь, испытывая недостаток в съестных припасах. Тогда великий Николай во сне является одному купцу, торговавшему хлебом, и, дав ему задаток в три золотых, велит отправиться в Миры и продать хлеб тамошним жителям. Купец просыпается и находит деньги; вспомнив свой сон, он поражен чудом, приходит в Миры и там продает свой хлеб. А жители города, получив таким образом помощь, как и во всех прочих случаях, приписывают свое спасение Богу и великому Николаю. В скором времени тайфалы [45] поднимают в Великой Фригии восстание. Император Константин, узнав об этом и созвав

из-за этого совет, посылает во Фригию трех Стратилатов [46] (их звали Непотиан, Урс и Герпилион) успокоить тайфалов и восстановить порядок. Поспешно покинув Константинополь, они остановились в одной из гаваней Мир ликийских, называемой Андриак. Так как волнение на море не позволяло плыть дальше, стратилаты недолго задержались там. Во [307] время этой стоянки некоторые из их воинов сошли на берег, чтобы купить съестного. Поскольку же воины обычно склонны к грабежу и насилию, и эти повели себя так и стали обижать жителей. Дело дошло до столкновения, и у так называемой Плакомы [47] произошла стычка. Об этом стало известно пречудному Николаю, и он тотчас отправился в гавань. Лишь только некоторые увидели Николая, весть о его приходе разнеслась повсюду, и весь город вместе со стратилатами, как обычно, встретил его коленопреклоненно. Святой спросил стратилатов, зачем они пришли и откуда; те сказали, что посланы императором, чтобы замирить волнение во Фригии. Святой позвал их в город и оказал им радушный прием. После этого стратилаты усмирили своих воинов и, удостоенные благословения Николая, собирались уже покинуть Миры.

В это самое время к святому подходят какие-то жители Мир и, припав к его ногам, горячо просят защитить от обидчиков и положить конец их страданиям. «Игемон [48] Евстафий, — со стоном и слезами говорили они, — подкупленный тем, кто служит зависти и злу, трех мужей из нашего города, совершенно ни в чем не повинных, осудил на смерть. Город весьма горюет и печалится о них и в этой великой беде просит тебя прийти к месту казни, ибо, если явишься ты, солнце не увидит здесь такого злодеяния». Услышав их жалобы, этот человек Божий, подражавший сострадательности Господней, страдая о них душой, одевается ревностью и бесстрашием, берет с собой упомянутых стратилатов и тут же отправляется в путь.

Оказавшись в некоем месте под названием Леон, [49] он стал спрашивать [308] мимо идущих людей, не слышали ли они чего-нибудь про тех мужей и не знают ли, где они находятся. Люди те отвечают: «На равнине у так называемых Диоскуров». [50] Николай тотчас отправился к храму во имя святых Крискента и Диоскорида и, узнав, что приговоренные к казни только успели выйти за порог его и их ведут в Виру (это место, где казнят преступников), поспешает и, восполнив бессилие старости сердечным пылом, скоро приходит в указанное ему место. Он видит там большую толпу и этих мужей, увы, со связанными на спине руками и закрытыми лицами лежащих на земле, подставив для удара обнаженные шеи, — жалостное зрелище, беда, на которую скорбно взирать, — и палача, со злобным и жестоким взглядом уже поднявшего меч и одним своим обликом являющего кровожадность. Когда святой это увидел и обратил взор на печальное зрелище, то, уравновесив суровость мягкостью, не сказал ни дерзкого, ни резкого слова, но и не выказал никакой опаски или робости; сколько доставало сил он побежал к палачу, смело выхватил из его рук меч, и, ничего не страшась, бросил на землю, и осужденных освободил от их оков. Никто не воспрепятствовал его самовластному поступку, так как все знали, как я думаю, его великую добродетель и чтили любовь к справедливости. Сильное ликование вызвало у спасенных слезы, и все они издавали радостные клики из-за неожиданно наступившей перемены. Равнина превратилась в театр — все славословили святого и кричали, пораженные зрелищем, которое увидели.

Тут является игемон Евстафий. Но великий Николай не обратил на него внимания, не подошел [309] к нему и даже оттолкнул, когда Евстафий хотел пасть к его ногам, и грозил обвинить перед императором, призвать против него Бога и причинить величайшее зло за то, что он столь несправедливо

пользовался своей властью и совершил великие преступления. А того терзали стрекала раскаяния, и сердце жестоко грызла совесть, и слезами своими он будил сострадание, чистосердечно моля великого Николая примириться с ним. Он при этом слагал вину на Симонида и Евдоксия, первых людей в Мирах, но ложь его не скрылась от Николая, ибо святой доподлинно знал, что Евстафий был подкуплен и потому осудил на смерть невиновных. Стратилаты, тоже благодарные Николаю, прославляли устами своими великого слугу Христова и ему одному приписывали свое спасение. Затем они, удостоенные его божественных молитв и унеся их с собой как добрый дорожный запас, прибыли во Фригию. Совершив там все, что следовало и что приказал им император, мужи эти довольные вернулись в Византий. [51] Император и вельможи с почетом и роскошью принимают их, и отныне они становятся знаменитыми и славными во всем государстве, и им оказывают великий почет.

Но не суждено было, чтобы зависть снесла это и взоры злых стерпели; потому некие люди, придя к епарху города, из-за того что те стратилаты попали в большую, чем они, честь, сплетают против них оговор: они, мол, замыслили какое-то зло, и их намерение чревато большими опасностями. «Стратилаты, — говорили эти клеветники, — как мы слышали, стремятся к перевороту и готовят заговор против императора». Так оклеветав [310] стратилатов и подкупив епарха большим количеством золота, с его помощью отравляют они слух императора. Епарх тотчас идет к императору и сообщает то, что от них слышал, уговаривая без расследования дела схватить стратилатов и заключить в темницу, «чтобы они, — говорил епарх, — не могли привести свой замысел в исполнение». Император последовал его совету и заключил стратилатов в темницу. Они же не знали, почему у них отняли свободу, ибо были далеки от каких бы то ни было злоумышлений.

Между тем прошло довольно времени, и зло, словно ему мало было достигнутого, довершает начатое. Стратилаты продолжали томиться в темнице. Клеветники же, видя, что время идет, в страхе, как бы какая-нибудь случайность не обнаружила их сговора и беда не оборотилась на них, снова идут к епарху, требуя не оставлять так дела стратилатов, но наказать их по заслугам. Тот же, опасаясь, чтобы его не заставили вернуть золото, поскольку он не исполнил своего обещания, снова идет к императору, мрачным лицом и печальным взглядом показывает, что пришел как вестник несчастья, но вместе с тем стремится обнаружить свое попечение о его жизни, любовь к нему и преданность. Епарх своими льстивыми речами пытается ввести императора в заблуждение и говорит: «Люди, владыка, злоумышляющие против твоего величества, хотя ты осыпал их милостями, и в темнице не отказались от своих замыслов, и никто из них не раскаялся; они и до сих пор придерживаются прежнего образа мыслей и не перестают строить козни. Теперь, если будет на то твоя воля, мы [311] их накажем по заслугам, в противном случае должно опасаться, как бы они не опередили нас и не нанесли нам вреда». Эти слова встревожили императора и внушили ему опасения. Чтобы освободить ум свой от забот и в будущем не испытывать страха, он осуждает невиновных на смерть. Казнь была назначена на следующий день, ибо император вечером произнес свой приговор. Зловещий вестник казни приходит к тюремщику и объявляет ему решение императора. А тот, горько оплакав злосчастье узников, ибо был, очевидно, много человеколюбивее епарха, а кроме того, успел уже стать им добрым другом, печально идет к ним и говорит: «О, если бы я не вел с вами бесед, и вы не пробыли здесь так долго, и я не делил с вами трапезы! Легче я перенес бы тогда несчастье, меньше страдал бы из-за разлуки с вами, и скорбь так не омрачала бы мою душу. Ведь завтра мы расстанемся друг с

другом для последней и горчайшей, увы, разлуки, и я уже не увижу вас, которых люблю, не услышу ваших речей, не преломлю с вами хлеба, ибо вы приговорены к смерти. Если хотите сделать какие-нибудь распоряжения касательно своего имущества, час для того настал, иначе смерть может опередить вас». Так он сказал в печали, горько оплакивая их казнь. Они же — что же делать в такой беде душе, не знающей за собой вины, заслуживающей смерти? — разорвали на себе одежду и в тоске терзали волосы, говоря: «Какой демон с завистью взглянул на нашу жизнь? Почему мы должны умереть как преступники? Какое заслуживающее казни деяние мы совершили?». Они по имени окликали своих друзей, [312] родных и близких, призывали Бога в свидетели совершающегося и уже представляли себе свою смерть.

Пока стратилаты так горько сетовали и оплакивали свою, увы, печальную долю, один из них, Непотиан, вспомнил, как Николай подал помощь трем мужам из Мир и избавил их от смерти, чудесно став их спасителем и добрым заступником. И вот, говоря про это между собой — ведь беда делает людей изобретательными и побуждает душу измышлять всевозможные выводы, они прибегают к заступничеству божественного Николая, сказав: «Господи, Боже Николая, некогда освободивший трех мужей от несправедливой казни, ныне призри на нас, ибо среди людей у нас нет заступника. Вот сердце наше томится, и скорби его множатся, и некому избавить нас от этого испытания. Вот голос покидает нас еще до смерти, и язык пересох от пламени сердца, и мы уже не можем обратиться к тебе с мольбой: «Да предварят нас щедроты Твои, Господи», [52] не допусти несправедливости свершиться, не потерпи неправой казни. Избавь нас от руки тех, кто ищет нашей смерти, и поспеши на помощь, ибо утром мы должны умереть».

Тот, кто милует боящихся его, как отец сыновей своих, вняв этой мольбе, посылает помощника, своего святого слугу. Ночью пречудный Николай во сне явился императору и сказал: «Император, немедля восстань ото сна и освободи из темницы трех заключенных там стратилатов, ибо их оклеветали». Затем он рассказывает, какую несправедливость они терпят, и подробно повествует об их злосчастьи, и грозит, если император не повинуется, **[313]** воздвигнуть против него войну и погубить его злой смертью, чтобы свершилась над ним тяжчайшая кара. Пораженный дерзкой речью мужа и тем, как он поздней ночью проник во дворец, император спросил: «Кто ты, осмеливающийся устрашать меня такими словами и грозить моему величеству?». Он отвечает: «Николай из Мир». Тотчас император, устрешенный видением, встает с ложа, а святой подобным же образом является во сне епарху Авлавию и его также обвиняет в преступлении против стратилатов; когда епарх, подобно императору, спрашивает, кто он, говорит: «Раб Христов Николай». Авлавий проснулся и задумался над своим видением, пытаясь понять и природу его и что оно значит. Тут к нему является какой-то посланец из дворца и пересказывает сон императора, а епарх передает содержание своего сна. Оба поражены этим удивительным чудом, и император, и епарх, словно по уговору, видевшие одинаковый сон. Так как они не могут истолковать свое видение, император призывает из темницы стратилатов и, когда они предстают перед ним, говорит: «При помощи какого колдовства вы заставили нас увидеть сны, воздвигающие столь великую брань и столь страшные угрозы?». Они же, не чувствуя за собой никакой вины, вопрошали друг друга знаками, знает ли об этом другой, и переглядывались в недоумении. Император, видя это, смягчается и, приблизившись, велит им отвечать. Глаза у стратилатов наполняются слезами, и они с воплем говорят: «Мы, о император, не

сведуци в волхвовании и не замыслили никакого зла против твоего величества, свидетель тому всевидящее око Господне. Если же [314] это не так и мы повинны в злых умыслах против тебя, пусть не будет нам, о император, милости, заклинаем тебя Троицей, пусть не пощадишь ты нашего рода, произнеся приговор, если это возможно, тягчайший смертного. Нам, о самодержец, отцами заповедано чтить императора и выше всего ставить верность ему; преступающего же это правило строго наказывать и обходиться с ним как с врагом. Так что мы, не щадя своей жизни, о император, заботились о твоей безопасности, а потому ждали щедрого воздаяния твоей десницы. Всякий раз, как вражеская рука грозила твоему величеству и время требовало доблестных людей, ты, презрев других, облеченных равной с нами честью, выбирал, увы, нас и нам поручал отражать твоих врагов. Мы охотно повиновались твоему приказу, принимая на себя этот труд и с Божией помощью успешно воздвигая против врагов твоих свою доблесть, что, я уверен, подтвердят все. Ныне зависть вооружила против нас то, что прежде служило причиной нашего благоденствия, и мы признаны виновными и, увы, как ты видишь, ждем самого страшного наказания. Так что доказательство нашей преданности тебе, о император, стало для нас причиной тягчайшей кары, и вместо ожидаемой славы и справедливого воздаяния мы страшимся за свою жизнь и ждем наказания за последний и злосчастный свой подвиг. Как, о солнце, как, о справедливость, вы можете взирать на это!».

Душа императора была потрясена этими словами, и он стал раскаиваться в совершенной против стратилатов несправедливости. Ведь он страшился кары Господней, и чтил свою багряницу, и, полагая [315] законы другим, боялся, что не сумеет держать ответ за свой суд. Тотчас он милостиво глядит на стратилатов и обращается к ним мягко. Когда им

дозволено было говорить свободно, они, скрепив свои души, открыли сокровище [53] и не стали утаивать надежды, и громко воскликнули: «Боже святого Николая, избавивший трех мужей от несправедливой смерти, через этого святого избавь и нас от угрожающей нам опасности». На это император говорит: «Скажите мне, кто это Николай, как и кого он спас?». Тут Непотиан рассказал ему все по порядку.

Император, прежде почитавший Бога и его слуг, и ныне не изменил свойственной ему добродетели. Лишь услышав о Николае, он вспомнил свое видение и заступничество Николая за невинно осужденных и, удивившись его великой ревности, милует стратилатов, говоря: «Не я дарую вам жизнь, но тот, кого вы призывали на помощь и который и нас пробудил ото сна, горячо заступаясь и печалась о вас. Ступайте теперь к нему и, приняв пострижение, воздайте этим Николаю благодарность, а от нашего имени скажите ему: «Вот я исполнил твое веление — не угрожай мне»». Так император сказал и вручил им Евангелие в золотом окладе и сосуд, тоже украшенный золотом и драгоценными камнями, и два золотых подсвечника, велел пожертвовать это в храм города Мир.

Стратилаты, нежданно получив свободу, тотчас пустились в путь, и, ликуя, приходят к святому, и радуются, видя его. От великого счастья они готовы отдать и самое дарованную им жизнь, чтобы достойно возблагодарить святого, оказавшего им [316] чудесную помощь. Затем они полагают в храм императорские дары, шепча: «Господи, Господи, кто подобен Тебе, избавляющему бедного от грабителя его?», [54] и, не оставив даже нищих без доли в своей радости, даруют им свое имение.

Когда Бог так возвысил Своего раба, крылатая молва, восстав, прошла повсюду и все собой исполнила; прошла через море и пронеслась по

волнам, и ни единого места подлунной не оставила в неведении о великих добродетелях святого мужа.

Однажды какие-то моряки попали в сильную бурю. Отчаявшись спастись собственными силами, они стали молиться святому Николаю, ибо и до них дошел слух, что он нечаянно подает помощь в опасности, и призывали к своей беде, и протягивали к нему руки, уповая единственно на его заступничество. Николай немедля поспешает на корабль и, представ перед ними, говорит: «Вот вы звали меня, и я пришел защитить вас». Затем, ободлив их, он при их глазах берется за кормило и, казалось им, направляет путь корабля. Затем словом усмиряет море и, как некогда мой Иисус, успокаивает волны, [55] ветер и все, что приносит с собой буря, и делает плавание для них спокойным и безопасным.

И вот, когда при легком ветре моряки достигли земли и сошли с корабля на берег, они поспешили к своему спасителю. Услышав, что он пошел в церковь, они направляются туда. Николай, присоединившись к клиру, стоял там вместе с другими. Когда моряки взглянули на него, хотя глаза их прежде не видели Николая, после его явления на море тотчас узнали святого. Подбежав к нему, они припадают к его ногам, и язык их произносит слова [317] благодарности, а душа говорит вместе с устами, вспоминая, что она претерпела и как была избавлена от гибели, источает из очей их слезы, свидетелей произносимых ими слов. Затем моряки все по порядку рассказывают окружающим. Пречудный Николай мог освобождать и от духовной гибели (и почитал это многожды важнее). Узнав по дарованной ему благодати прозрения укоренившуюся в тех морях порочность, удалившую их от Бога и Его заповедей, он сказал: «Познайте себя, призываю вас, дети, познайте, и вразумите на угодный Богу путь сердца свои, и ум, и

мысли. Ибо, хотя зло наше скрыто от многих и мы кажемся добрыми, ни одно из наших дел не утаится от Господа, ибо сказано: «Человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце». [56] Услышьте и такие слова Писания: «Не творите зла, и да не претерпите зла». [57] Творите добрые дела и блюдите в жизни своей чистоту тела, «ибо мы — храм Божий. [58] Кто разоряет храм Божий, того карает Бог». Се рек святой Павел. «Живите так, и Бог будет вам надежной крепостью».

Сказанного достаточно, чтобы увидеть, сколь великой силой Бог наделил Николая. Но все же память о нем не разрешает моему рассказу на этом остановиться и, если остающееся он обойдет молчанием, обложит его великой пеней. Дошедшее до нас древнее предание представляет Николая старцем с ангельским ликом, исполненным святости и благодати Божией, добавляя еще и следующее: если кто его встречал, едва взглянув на святого, усовершенствовался и становился лучше, и всякий, чья душа была отягощена каким-нибудь страданием или [318] печалью, при одном взгляде на него обретал утешение. От него исходило некое пресветлое сияние, и лик его сверкал более Моисеева. [59] Если инаковерующим случалось встретиться с ним где-нибудь по дороге и лишь услышать сладчайший его глас, они уходили, отвергнувшись ереси, в которой с детства возросли, и утвердившись в истинном учении. Столь славно свершив свою согласную с добродетелью жизнь и умастившись в Мирах цветами от Бога полученных даров, как бы благовонным и поистине сладостным мирром, достигнув глубокой старости и свершив множество дней Божиих и разрешающих, он, будучи человеком, должен был подчиниться общему закону естества и на малый срок впал в недуг. Время это святой проводил, благодаря Бога и распевая отходные и прощальные песнопения, и с радостной надеждой ждал отшествия. Ибо как для других желанна жизнь во плоти, так для него желанно было отрешение

от плоти. И вот он разрешается от бренной и кратковременной жизни, соприсутствует сиянию ангелов и ликует вместе с ними в лицезрении ясного и чистого света Троицы; его честное тело святые епископы и весь клир, одетые в светлое облачение, перенесли в храм Мир, и с того дня оно начало источать мирро, целящее душевные и телесные недуги. Со всей земли туда стали устремляться люди, чтобы получить от неиссякаемой этой благодати.

Неких мужей, живущих на расстоянии многих дней пути от Ликий, охватывает великое желание посетить могилу святого, чтобы взять от мирра и причаститься благодати. Нагрузив корабль съестными припасами, они собрались плыть в Ликий. [319] Но злой демон, некогда обитавший в капище Артемиды, которого преславный Николай, разрушив храм до основания, изгнал оттуда вместе с другими демонами, узнав о намерении этих мужей и не простив святому разрушения капища и своего изгнания, старался, сколько имел сил, мстить ему. Он предуставил себе лишить тех мужей благодати и воспрепятствовать их желанию. Потому демон принял обличье женщины с сосудом елея, который, по ее словам, она собиралась принести на могилу святого, но ее—де страшило долгое плавание. «Нельзя, — говорила она, — женщине пуститься в далекое плавание по открытому морю. Поэтому прошу вас доставить этот кувшин на могилу святого и налить елею в стоящий там светильник». Так говорил злой демон и так просил, отдавая тот кувшин в руки боголюбивых странников. А заключалась в нем злая сила, достойная того, кто дал елей.

Долгими просьбами женщина уговаривает их согласиться, и они берут кувшин. По свершении первого дня пути — и это чудо, о верный слуга Господень и надежный заступник в опасности, сотворил ты, — представ во сне одному из странников, Николай велит бросить кувшин в море. Встав на

рассвете, эти мужи сделали так и бросили сосуд с елеем в море. И тотчас высоко в небо поднялось пламя, показался зловонный дым, а воды расступились и, вскипев из глубины, громко взревели и обратились в огненные струи. Корабль, подхваченный таким водоворотом, начал тонуть, и плывшие на нем, уstraшенные невиданной опасностью, смотрели друг на друга с отчаянием и ужасом и были в совершенном смятении. Но тот, кто, [320] находясь вдали, заботился об их спасении и повелел выбросить кувшин в море, предстал тогда странникам и чудесно избавил их от страшной беды и опасности. Ибо корабль покинул это место, и люди перестали страшиться, и подул сладкий и благовонный ветер, и все обрадовались этому дуновению и веселились душой.

Таковы были, Николай, дары Божий, таковы воздаяния за твои труды, таковы награды за подвиги в сей жизни. Что же касается грядущих воздаяний — «не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его». [60] Насколько мы знаем о твоих деяниях, я без колебаний могу назвать тебя славным мучеником, венчанным бескровным венцом, ибо единственно с помощью молитвы ты оборол силу нечестия, и, благовозванный из изгнания, вернулся к христианам блистательным победителем, и вторично восприял прежнюю честь во Господе нашем Иисусе Христе, которому вместе с Отцом и Святым Духом слава, сила и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь.

(пер. С. Поляковой)

Текст воспроизведен по изданию: Жития византийских святых. СПб. Corvus. 1995

Примечания

1. Ссылки отсутствуют какъ въ греческомъ оригинале, такъ и въ латинскомъ переводе сего творенія преп. Симеона Метафраста. Эти ссылки мы дали отъ себя (— Архим. Амвросій Погодинъ).

2. Волхвы по преданію были царями Восточныхъ странъ.

3. Здесь подъ «икономіей» следуетъ разуметь тайну Искупленія человеческого рода, которое совершилъ Спаситель: Сынъ Божій пришелъ на землю; воспріалъ человеческую плоть, родившись отъ Пресвятой Девы Маріи; научилъ людей истинному пути; добровольно принялъ распятіе для спасенія людей; перетерпелъ страданія и умеръ на кресте, почему Крестъ и именуется у святыхъ отцевъ «орудіемъ нашего спасенія, освященнымъ Кровью Христовой» (см., напр., Слово блаженнаго феофилакта Болгарскаго на поклоненіе Кресту Господню въ Крестопоклонное Воскресеніе); какъ умершій, былъ преданъ погребенію; и на третій день воскресъ во славе; на 40-й день Онъ вознесся на небо въ той же принятой Имъ плоти человеческой; и затемъ, на 50-й день послалъ Духа Святого, исходящаго отъ Отца, на Своихъ Святыхъ Апостоловъ и темъ основалъ на земле Церковь, которую никакія вражескія силы, врата ада не одолеютъ; и верные чада Церкви въ таинствахъ Церкви и своимъ посильнымъ несеніемъ креста, въ любви къ Богу и къ ближнему и въ делахъ добродетели и милосердія, обретають вечную жизнь во Христе Господе нашемъ, по молитвамъ Пресвятой Владычицы наша Богородицы, нашимъ Покровомъ и Утешеніемъ, а также по предстательству о насъ Святыхъ Божіихъ. Это и есть та великая «икономія», «домостроительство», «смотреніе», которое совершилъ для насъ нашъ Великій Богъ и Спаситель. Слава Ему во веки вековъ, аминь!

4. Н.Б–в. Метафраст Симеон // т.ХІХ, СПб., 1896, с.167.

5. Васильевский В.Г. О жизни и трудах Симеона Метафраста // Журнал Министерства народного просвещения. Ч.212, декабрь, 1879, с.379–437. Об А.А.Кунике см. с.380.

6. Там же, с.396.

7. Там же, с.384.

8. S. Gregorii Magni Vita, a Ioanne diacono scripta libris quatuor // Patrologiae cursus completus. Series latina. T.75. Paris, 1862, cols.60–242.

9. Bibliotheca hagiographica latina antiquae et mediae aetatis, ediderunt socii Bollandiani. Bruxellis, 1899. fasc.III, pp.543–544.

10. См. Ioan. Diac. Vita Gregorii. I, 6: «около базилики святых Иоанн и Павла у подножия Скауры».

11. Об этом сообщает Иоанн Диакон в I, 9.

12. В отличие от Иоанна Диакона Симеон Метафраст ввел в структуру рассказа прямую речь, придавая ему тем самым больше живости и убедительности. У Иоанна Диакона (I, 10) эта часть жития Григория выглядит следующим образом: «Тогда<...> Ангел Божий <...> под видом потерпевшего кораблекрушение с мольбой попросил смилостивиться над ним. Григорий же, сострадая ему всем сердцем, приказал выдать ему шесть золотых монет и, по получении, удалиться. Вскоре, в тот же самый день, сей потерпевший кораблекрушение возвратился вновь <...>. Получив от Григория подобным же образом шесть монет, он, охваченный радостью, удалился. Придя же на третий день, сей потерпевший кораблекрушение снова назойливо просил о помощи. Благороднейший же отец, вызвав казначея, приказал дать тому человеку еще шесть монет. Но в этот миг узнал он, что в хранилище уж не

осталось денег, с помощью которых он мог бы утешить сего пострадавшего. И он не знал, что бы такое ему сделать <...>. Снова спросив своего хранителя, есть ли у него, случаем, какая-нибудь ваза, либо одежда, он услышал, что у того абсолютно ничего не осталось, за исключением серебряной чаши матери Григория, которая была, согласно обычаю, прислана ею, полная бобов...» Очевидно, что преп. Симеон сжал и время действия — с трех дней до одних суток, отчего рассказ приобрел большую динамичность.

13. Многоликость Ангела введена преп. Симеоном Метафрастом, у Иоанна Диакона этого нет.

14. В житии, написанном Иоанном Диаконом, этот вопрос дан в форме косвенной речи.

15. В этом месте у Иоанна Диакона стоит выражение: «преемником, а также наместником (*vicarium*) Петра». Преп. Симеон Метафраст смягчил его смысл, убрав последнюю часть, слишком четко выражавшую один из составных тезисов учения о папе, получившего особо сильное развитие в IX в. в понтификат Николая I.

16. У Иоанна Диакона в этой фразе, вложенной в уста Григория, на первом месте стоит «что сделал меня понтификом святой Своей Церкви», а уже потом — об ангеле. Убрав указанный пассаж, преп. Симеон Метафраст вновь подчеркнул тем самым высочайшее благочестие и набожность свт. Григория.

17. Ср. Мф 25:34, 36, 40. В издании Ж. — П.Миня, с которого сделан наш перевод, ошибочно указано Мф 25:43. При переводе новозаветного текста с латинского мы сочли возможным перевести слово *hospes* не как «странник» (так в синодальном переводе), а как «чужак», так как, по нашему мнению,

подобная трактовка более точно передает психологический оттенок этих слов Иисуса (hospes одного корня с hostis — «чужеземец, неприятель, соперник». «Странник» же в нынешнем массовом понимании отождествляется со словом «путник», тем самым смысл данн

18. Шерстяная ткань (груз.).

19. Они, посаженные при потоках благочестия, вовремя приносят плод... — ср. Пс. 1, 3: «И будет он, как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое»

20. ...тот рождением своим разрешил родильные муки матери, а этот навеяно скончал. — Иоанн Креститель был поздним (потому он «разрешил родильные муки своей матери») и единственным сыном, а Николай «скончал», так как после него мать уже больше не имела детей.

21. ...следуя... святому правилу... — подразумевается соблюдение двух постных дней, среды и пятницы.

22. Пресвитер — вторая степень священства; сан, соответствующий священническому.

23. Миры — город в Ликии.

24. Укажи мне, Господь, путь, по которому мне идти... — Пс. 142 (143), 8.

25. Научи меня исполнять волю твою... — Пс. 142 (143), 10.

26. ...на тебя оставлен я от утробы... — Пс. 21 (22), 11.

27. Когда богатство умножается, не прилагайте к нему сердца... — Пс. 61 (62), 11.

28. Милость и истина да не оставляют тебя. — Притчи Сол. 3, 3.

29. ...левой руке не доверять то, что свершаешь... — намек на слова Евангелия: «Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (Матф. 6, 3).

30. ...вследствие послушания моего воплотившийся... — под «моим послушанием» имеется в виду грех Адама и Евы (т. е. человека), вопреки запрещению Бога вкусивших от дерева познания добра и зла. Согласно евангельскому мифу, Христос воплотился (принял телесный облик), чтобы спасти впавшее в грех человечество.

31. ...из праха поднимает бедного, из брения возвышает нищего. — Пс. 112 (ИЗ), 7.

32. ...души алчущие исполнял благами... — ср. Пс. 106 (107), 9: «И душу алчущую исполнил благодати».

33. Остановитесь и познайте... — Пс. 45 (46), 11.

34. Оставаться в пустыне... — имеется в виду фраза Давида: «Далеко удалился бы я, и оставался бы в пустыне» (Пс. 54 (55), 8).

35. Голгофа — холм вблизи старого Иерусалима, на котором был распят Христос.

36. На кого призывает Господь, как не на смиренного и кроткого... — несколько измененная цитата из Исх. 66, 2.

37. ...диоклетианов, максимианов... — имена римских императоров, гонителей христиан, Диоклетиана (284—305) и Максимиана (286—305) употреблены нарицательно как синоним врагов христианства.

38. ...воздвигает Своему народу рог спасения... — ср. Лук. 1, 69: «И воздвиг рог спасения нам».

39. ...и знаменем звездного Креста призывает Константина... — согласно легенде, римский император Константин I (324—337) накануне решающего сражения за единовластие увидел на небе знамение Креста. По другим вариантам легенды, видение предстало ему сначала наяву, а затем и во сне.

40. Палинодия — буквально: песнь, в которой поэт отрекается от своих прежних слов; переносно — отречение от своих слов. Здесь имеется в виду, что Константин не следовал религиозным воззрениям своих предшественников, императоров-язычников.

41. Исповедник — адепт христианства, вопреки преследованиям стоящих у власти язычников пропагандировавший свою веру.

42. ...император правил державой ромеев и великий его архиерей наставлял народ... — под великим архиереем императора Константина агиограф, судя по контексту, понимает константинопольского патриарха Митрофана (312—325), хотя по состоянию здоровья тот не присутствовал на Никейском соборе (325 г.) и направил вместо себя будущего своего преемника по кафедре епископа Александра (325—340), открывшего борьбу против Ария.

43. ...в Никее собирается все православное духовенство... — I вселенский собор в Никее состоялся в 325 г. и был посвящен критике арианства. Арий был предан анафеме, а император издал окружную грамоту, призывавшую исповедовать установленную на этом соборе веру как «мысль Божию, объявленную Святым Духом через согласие столь многих и столь великих архиереев».

44. ...богохульную ересь Ария... — вопреки Арию, считавшему, что Бог Сын, рожденный Отцом, имеет тварную природу, т. е. не существовал извечно, и потому ниже своего безначального Отца, сторонники ортодоксального православия признавали все ипостаси Троицы (Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой) равносущными.

45. Тайфалы — германское племя, жившее за Дунаем.

46. Стратилат — высокий военный чин.

47. Плакома — по-видимому, местность между Мирами и гаванью Андриак.

48. Игемон — правитель.

49. Леон — топоним не идентифицирован; потому затруднительно решить, следует ли передавать его так, как в нашем тексте (Леон), или переводить на русский язык: lewn — по-гречески «лев».

50. Диоскуры — храм Крискента и Диоскорида, христианских святых, отождествленных, по-видимому, с языческими братьями Диоскурами.

51. Византий — иное название Константинополя.

52. Да предварят нас щедроты Твои, Господи... — Пс. 78 (79), 8.

53. ...открыли сокровище... — подразумевается святой Николай.

54. Господи, Господи, кто подобен Тебе... — Пс. 34 (35), 10.

55. ...как некогда мой Иисус, успокаивает волны... — имеется в виду евангельский эпизод. — Матф. 8, 26.

56. Человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце. — ? Царств. 16, 7.

57. Не творите зла, и да не претерпите яла... — подобных слов в Ветхом и Новом завете нет. Ближе всего к ним пассаж: «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром». — Рим. I, 12, 21.

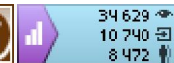
58. ...ибо мы — храм Божий. — Не вполне точная цитата из I Коринф. 3, 17

59. ...лик его сверкал более Моисеева. — Сияние, исходившее от лица Моисея, когда он сошел с горы Синай, описано в Исх. 34, 29 сл.

60. ..не видел того глаз, не слышало ухо... — I Коринф. 2, 9.

© 2008-2010 Благотворительный фонд "Предание".

<div></div>